

ПОСЛЕДНИЙ ГОЛОС КРЕПОСТИ

ЯРОСЛАВ АРДЕН

Ярослав Арден

Последний голос крепости

«Автор»

2026

Арден Я.

Последний голос крепости / Я. Арден — «Автор», 2026

Реставратор старинных инструментов Лидия Савельева приходит в себя среди разбитого обоза в пограничном княжестве Ренва. Здесь голоса башен открывают дороги, двигают воду и поднимают крепостные стены — но за каждый приказ кто-то платит речью, слухом или памятью. Полководец Варн готов превратить беженцев в живые струны ради последнего удара по врагу. Чтобы остановить его, Лидии придётся вернуть семи башням независимость, довериться глухой девушке, чувствующей камень ладонями, и разрушить единственный механизм, который, возможно, способен вернуть её домой. Приключенческое фэнтези о попаданке, чьими главными силами становятся редкое ремесло, ответственность мастера и умение вовремя отпустить чужой голос.

© Арден Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Струна под снегом	6
Глава 2. Обоз без права на ворота	13
Глава 3. Девочка, слышащая камень	19
Глава 4. Цена чистой ноты	29
Глава 5. Башня без языка	38
Глава 6. Древесина, которая помнит дождь	48
Глава 7. Песня без слов	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ярослав Арден

Последний голос крепости

От автора

Старинный инструмент редко возвращают к жизни одной новой деталью. Нужно услышать, где дрожит корпус, понять, какой след оставил прежний ремонт, и решить, выдержит ли вещь ещё один сильный звук. Иногда мастер способен заставить её звучать — но не имеет права делать это любой ценой.

Эта история о женщине, которая попадает в мир говорящих крепостей и обнаруживает: самые мощные стены держатся не на камне, а на человеческих голосах. Здесь чудо требует материала, ремесла и платы. Здесь приказ может прозвучать как спасение, хотя на самом деле превращает людей в заменяемые струны.

Перед вами приключенческий роман о дороге через зимнюю степь, осаде, редком мастерстве и выбранной семье. Но прежде всего — о праве человека остановиться, когда от него требуют звучать до последнего дыхания.

Глава 1. Струна под снегом

Виола не хотела принимать струну.

Лидия поняла это раньше, чем стрелка тюнера дрогнула вправо. Подушечка указательного пальца почувствовала мелкую, злую дрожь грифа, будто под чёрным деревом скреблась песчинка. Звук ещё держался — густой, низкий, обещающий раскрыться, — но внутри него уже росла сухая трещина.

— Тише, — сказала Лидия, хотя в мастерской никого, кроме неё, не было.

Она отпустила колок на четверть оборота. Натяжение ослабло, струна выдохнула и легла на порожек. За окном мокрый ноябрьский снег прилипал к фонарю и тут же стекал по стеклу. Было без четверти одиннадцать. На верстаке остывал чай, возле батареи стояли снятые туфли заказчицы, забытые ещё днём, а на стене тикали часы, которые Лидия собиралась отнести в ремонт третий год.

Виола была старше часов, мастерской и самой Лидии вместе взятых. Её привезли в футляре, пахнущем сырой шерстью и табаком, с проломленной обечайкой и потемневшим лаком. Три месяца Лидия выправляла дерево, подбирала ель для внутренней пружины, варила клей маленькими порциями и убеждала владельца, что быстро здесь означает плохо. Теперь оставалась последняя настройка.

Она провела ногтем по струне от подставки к колку. У подставки звук был чистым. На середине — тоже. Возле верхнего порожка ноготь задел едва заметную заусеницу, и виола ответила вторым тоном, которого быть не должно.

Лидия наклонилась ближе.

Второй тон не исчез.

Он шёл не от струны.

Чашка на верстаке звякнула о блюдце. Стекло в окне задрожало. Лидия выпрямилась и задержала дыхание. В доме над мастерской кто-то передвинул стул, за стеной включился холодильник, по улице прошёл автобус — привычные шумы, каждый на своём месте. А низкий гул всё равно продолжал подниматься, будто огромный смычок провели по стенам здания.

Она прижала ладонь к деке виолы. Дерево было холодным. Гул ударил в запястье, поднялся до локтя, и на миг Лидия увидела не мастерскую, а белую равнину под серым небом. Чёрные колёса торчали из снега. Кто-то кричал беззвучно, открывая рот. Поперёк белого поля тянулась тугая верёвка, тонкая, как струна.

Лидия рванула руку назад.

Подставка виолы качнулась.

— Нет.

Она успела подхватить инструмент за шейку и край корпуса. Нельзя хватать старое дерево как попало, даже если пол уходит из-под ног. Эта мысль оказалась последней ясной и до смешного привычной. Потом свет над верстаком вытянулся в белую полосу, гул стал оглушительным, и Лидия провалилась туда, где не было ни пола, ни воздуха.

Холод вернул её ударом.

Снег набился за ворот, под свитер и в рукава. Лидия вдохнула и закашлялась от едкой вони дыма. Над лицом висело колесо с обломанными спицами. Оно медленно поворачивалось, хотя ветра почти не было.

Лидия лежала на боку между мешком и деревянной стенкой. Вернее, стенка теперь была полом: повозка перевернулась. На неё давило что-то тяжёлое. Правая нога не двигалась.

Первым пришёл страх — быстрый, животный. Следом включилась привычка мастера: не дёргать, пока не понятно, что держит.

Она пошевелила пальцами ноги. Пальцы ответили. Колено болело, но не резало. Бедро прижимал сундук, застрявший углом между лавкой и бортом. Лидия упёрлась обеими руками, сдвинула его на ширину ладони и вытащила ногу.

На ней были домашние брюки, шерстяные носки и рабочие сабо. Левого сабо не оказалось.

— Прекрасно, — хрипло сказала она.

Ответом был крик снаружи.

Не тот беззвучный крик, который она видела в мастерской, а настоящий — детский, сорванный. Потом кто-то заорал:

— Канат! Не трогай канат!

Лидия поднялась на четвереньки. В глазах поплыли серые пятна. Она переждала, ухватившись за край лавки, и пролезла к щели между досками. Сквозь неё виднелись снег, ноги людей и опрокинутая бочка. По белому насту текла тёмная вода.

Где-то совсем близко ржала лошадь.

Лидия нашла проход — бывший верх повозки, где разошёлся холст, — протиснулась наружу и сразу провалилась босой ногой в снег по щиколотку.

Мир был чужим настолько, что сознание сперва отказалось это признать.

Не было улицы, фонаря, кирпичной стены мастерской. До горизонта лежала голая белая степь. По ней растянулся обоз из десятков повозок: две стояли на колёсах, одна горела, остальные сбились возле неглубокой балки. Лошади в тяжёлой сбруе металась между людьми в длинных кафтанах. Над дальним холмом поднимался чёрный столб дыма.

К ближайшей повозке был привязан высокий деревянный шест с бронзовым раструбом. Шест сломался и упал поперёк дороги. Натяжной канат, уходивший от его вершины к задней оси, перехлестнулся вокруг детской руки.

Девушка — не ребёнок, как показалось Лидии по голосу, а худенькая взрослая лет двадцати — лежала в снегу. Канат прижимал её запястье к ободу. Лошадь, всё ещё запряжённая в опрокинутую повозку, пыталась встать. При каждом рывке верёвка натягивалась и тащила девушку под колесо.

Рядом стоял бородатый мужчина. Он держал топор над канатом и не решался ударить.

— Режь! — крикнула женщина в рваном синем платке.

— Отдачей руку сорвёт!

Лидия не знала, откуда поняла, что мужчина прав. Наверное, по звуку. Канат пел на одной низкой ноте, но в ней, как в струне виолы, жил второй скрежет. Волокна были перекручены и нагружены неравномерно. Если рубить сверху, разорванный конец хлестнёт в девушку или в человека с топором. Если лошадь рванёт одновременно, колесо докончит остальное.

— Не рубите! — крикнула Лидия.

Несколько лиц повернулись к ней.

Она увидела себя их глазами: женщина с непокрытой головой, в сером свитере, чёрных брюках, одном нелепом сабо и носке, уже промокшем от снега. Но объяснять было некогда.

— Держите лошадь за голову. Не тяните назад. Поверните морду к земле.

Бородатый уставился на неё, словно она заговорила с колесом.

— Делайте! Канат сейчас лопнет сам.

Синий платок первой бросилась к лошади. Ещё двое ухватили поводья. Животное било задней ногой и пыталось вывернуться, но люди навалились, заговорили ему в уши. Канат задрожал тоньше.

Лидия подбежала к девушке. Та не кричала. Её широко раскрытые глаза следили не за людьми, а за рукой Лидии. На щеке темнела кровь от неглубокого пореза.

— Слышишь меня?

Девушка не ответила.

Бородатый рявкнул:

— Она не слышит!

Лидия опустила в снег и показала ладонью: спокойно. Девушка вдруг повторила жест. В её взгляде не было растерянности — только боль и злость.

— Нужна палка, — сказала Лидия мужчине. — Гладкая, толщиной в два пальца. И нож, не топор.

Он протянул короткий тесак. Палку нашла женщина в синем платке — выдернула спицу из разбитой корзины.

Лидия подсунула спицу под верхний виток верёвки, стараясь не касаться распухшего запястья. Канат отозвался гудением. Она повернула палку на четверть оборота, как вороток. Слабина появилась снизу, там, где волокна проходили под рукой девушки.

— Ещё держите, — бросила она людям у лошади. — Что бы ни было.

Она провела пальцами по канату. Грубая пенька ободрала кожу. В одном месте поверхность была гладкой от натяжения, в другом топорщилась. Не резать там, где громче всего. Там уже работал разрыв. Нужно было снять ту прядь, которая держала общий узел и заставляла остальные врезаться в руку.

Лидия приставила нож сбоку, почти параллельно волокнам.

Девушка смотрела ей в лицо. Лидия показала: сейчас. Потом двумя пальцами обозначила резкое движение в сторону от колеса. Девушка кивнула.

Первое волокно лопнуло с сухим щелчком.

Лошадь дёрнулась. Люди закричали. Палка в руках Лидии рванулась, обожгла ладонь, но она удержала её коленом. Канат запел выше.

Второе волокно она не резала — только надсекла и отпустила вороток на малую долю. Натяжение перешло на соседнюю прядь. Верёвка ослабла под запястьем.

Девушка выдернула руку.

Через миг канат разошёлся. Один конец ударил по борту, пробив холст, второй хлестнул по снегу там, где только что лежала голова девушки.

Лошадь рухнула на бок и затихла, тяжело раздувая ноздри.

Бородатый отбросил топор, подхватил девушку и прижал к груди. Та сразу стала отбиваться здоровой рукой, показывая на лошадь.

— Жива она, жива, — сказал мужчина, хотя дочь его не слышала. — Ася, погоди. Дай руку увидеть.

Ася вывернулась, села и коснулась пальцами горла отца. Потом его губ. Он повторил медленнее:

— Жи-ва.

Девушка посмотрела на Лидию и приложила ладонь к снегу. Через секунду кивнула, будто сама проверила дыхание земли под лошадью.

Вокруг стало неожиданно тихо.

Горящая повозка потрескивала. Кто-то торопливо закидывал её снегом. Ребёнок плакал уже далеко, приглушённо. Люди смотрели на Лидию, но никто не подходил.

Она вдруг почувствовала, как дрожат колени. На ладони выступила кровь. Левый носок промок насквозь, пальцы перестали слушаться. В воздухе пахло конским потом, дымом и чем-то горьким, похожим на палёный рог.

— Где я? — спросила Лидия.

Бородатый поднял голову.

У него было широкое обветренное лицо и седина в тёмной бороде. На шее висел деревянный жетон с выжженным колесом.

— На Келой дороге.

— Это город?

Мужчина нахмурился.

— Это дорога.

— А страна?

Теперь зашептались уже открыто. Женщина в синем платке перекрестила грудь не сверху вниз, а слева направо двумя пальцами. Лидия смотрела на их одежду, на железные застёжки ручнойковки, на бронзовый раструб сломанного шеста. Можно было вообразить киносъёмку, исторический праздник, последствия аварии. Нельзя было вообразить горизонт без единого столба, провода или огня современного жилья. Нельзя было объяснить, куда исчезла мастерская за один вдох.

— Как тебя зовут? — спросил бородатый.

— Лидия. Лидия Савельева.

Он повторил непривычную фамилию, запнулся и оставил только имя.

— Я Март. Это Ася, дочь моя. Ты из крепостных мастеров?

— Из мастерской. Но не из крепости.

— Видели, как она из крытого возка вылезла? — сказала женщина в платке. — А до переворота там никого не было.

— Были мешки, — отозвался кто-то.

— Мешок канат по голосу не режет.

Последние слова заставили Лидию посмотреть на оборванную верёвку. На снегу рядом с ней лежала тонкая тёмная нить.

Струна.

Не пеньковое волокно, не конский волос. Металлическая, обвитая серебристой канителью струна от виолы. Один её конец уходил под борт перевёрнутой повозки, из которой выбралась Лидия. Другой терялся в разрезанном канате.

Она нагнулась, но Март перехватил её за плечо.

— Не касайся.

— Это моё.

— Тем хуже.

Ася освободила руку из наспех намотанного платка, подползла ближе и положила здоровую ладонь на снег. Потом коснулась струны двумя пальцами. Её лицо изменилось. Она не отёрнула руку, только медленно повернулась к сломанному шесту с бронзовым раструбом.

Тот загудел.

Звук был слабым, почти на границе слуха, но Лидия узнала его сразу. Именно этот низкий тон пришёл в мастерскую через деку виолы. Теперь он шёл из раструба, хотя к нему не прикасались ни губы, ни мехи.

Люди вокруг попятнулись.

— Молчал девять лет, — прошептала женщина в платке.

Март сжал плечо Лидии сильнее.

— Девять? — переспросила она.

Он не ответил. Вдали раздался другой звук — высокий, властный, похожий на трубный сигнал. Ему отозвался третий, из-за холма. Лошади подняли головы разом.

По дороге к обозу двигались всадники.

Их было шестеро. На белом снегу чёрные плащи казались прорезями. Передний нёс короткое копьё с красным полотнищем. Люди у разбитых повозок задвигались: кто-то тушил огонь, кто-то собирал рассыпавшиеся вещи, кто-то прятал детей за бортами. Март отпустил Лидию и встал так, чтобы заслонить Асю.

— Кто это?

— Сборщики.

— Чего?

— Всего, что крепость сочтёт своим.

Женщина в синем платке подняла оборванный канат и торопливо потащила его к повозке. Другой мужчина попытался выпрямить сломанный шест. Бронзовый раструб снова загудел, теперь громче. Внутри тона дребезжала та же опасная примесь, что в виоле перед падением. Только масштаб был иной. Не песчинка под грифом — трещина в целом корпусе.

Лидия подошла к раструбу.

— Не трогай! — Март схватил её за локоть.

— В нём что-то разболтано. Если они потребуют подать сигнал, он может развалиться.

— Пусть.

— Людей рядом посечёт бронзой.

Март посмотрел на всадников. Они спускались с холма неторопливо, не опасаясь, что обоз уйдёт.

— Тогда скажи им, что не умеешь.

Лидия едва не рассмеялась. Она не знала, где находится, каким образом сюда попала и что именно гудит в сломанной трубе без воздуха. У неё не было обуви, документов, телефона, даже пальто. Единственным понятным предметом вокруг оказался испорченный инструмент. И теперь Март предлагал отказаться от единственного, что связывало её прежнюю жизнь с этим снегом.

— Я действительно не умею, — сказала она. — Я не знаю, что это.

— Но слышишь.

Ася тронула его рукав, показала на Лидию, затем приложила два пальца к своему горлу и развела руки. Март ответил быстрыми жестами. Они спорили без звука. Ася нахмурилась, ударила ладонью по ступице и снова указала на раструб.

— Что она говорит?

— Что башня ответила тебе.

— Здесь нет башни.

— Есть. За Келым холмом. Мёртвая.

Высокий дальний сигнал повторился. Бронзовый раструб на повозке дрогнул. Внутри него что-то перекаатилось и стукнуло о стенку.

Лидия присела рядом, не касаясь металла, и заглянула в тёмное горло. На внутренней поверхности тянулась зелёная полоса окиси. У края виднелись три заклёпки; одна вышла почти наполовину. Раструб был лишь оконечной частью. Под повозкой скрывался деревянный короб, от него шли канаты и тонкие бронзовые тяги. Вся конструкция напоминала чудовищный гибрид рога, органной трубы и дорожной лебёдки.

— Он перевернулся вместе с повозкой, — сказала Лидия. — Крепление сорвало. То, что внутри, бьёт не по оси.

— Починишь?

— Сначала надо поставить повозку. И узнать, что должно быть внутри.

Март мрачно усмехнулся.

— Сборщик объяснит. Он любит, когда другие чинят его вещи.

Всадники остановились шагах в тридцати. Передний снял капюшон. Это был молодой мужчина с выбритым затылком и узкой полосой тёмных волос от лба к макушке. На воротнике его кафтана блестели медные пластины. Он окинул взглядом сгоревшую повозку, мёртвого коня у балки и людей.

— Чей обоз?

Никто не ответил.

— Тогда бесхозный.

Март шагнул вперёд.

— Мой. Март Оборот. Из Пологов.

— Пологов больше нет.

— Люди есть.

— Люди дойдут до Ренвы, если будут полезны.

Сборщик говорил спокойно, без угрозы, будто называл вес мешка. Его конь переступил, разбивая корку льда копытом. Взгляд мужчины остановился на сломанном сигнальном шесте.

— Почему обозный рог подал ответ?

Март промолчал.

Ася поднялась. Повреждённую руку она держала у груди, но встала рядом с отцом, а не за ним.

Сборщик заметил Лидию.

— Эта откуда?

— Из-под возка вышла, — торопливо сказала женщина в синем платке. — После удара.

— Какого удара?

Женщина показала в сторону холма.

— Башенного. Мы все слышали.

Сборщик спешился.

До Лидии дошло, что он тоже боится. Не её — звука. Он держал левую руку на рукояти сабли, но смотрел на бронзовый раструб так, словно оттуда могла высунуться змея.

— Имя.

— Лидия Савельева.

— Звание мастера?

— Реставратор музыкальных инструментов.

Слово оказалось ему незнакомо. Он повторил первые слоги и поморщился.

— Чинишь голоса?

— Инструменты. Дерево, металл, струны. Если понимаю, как они устроены.

Он подошёл к оборванному канату, поднял серебристую струну остриём сапога и посмотрел на Асину перевязанную руку.

— Ты распустила тягу по волокну?

— Я сняла натяжение и перерезала несущую прядь.

— Услышала её?

Лидия не ответила. Молодой сборщик присел у раструба и ударил костяшкой по бронзе.

Звук оказался коротким и грязным. Под ним прятался низкий гул.

— Келая молчит девять лет, — сказал он. — Сегодня она ответила дорожному рогу.

После того как появилась ты.

— Я ничего не делала.

— Тем лучше. Значит, сделаешь, когда прикажут.

Март встал между ними.

— Она из моего обоза.

— У тебя нет жетона на неё.

— Выдадите у ворот.

— Ворота закрыты.

Слова упали тяжелее, чем ветер. Люди за спиной Марта перестали шевелиться.

— Там раненые, — сказал он. — Дети. Мы шли к Ренве по вашему знаку.

— Знак был до прорыва на Сухом поле. Теперь крепость принимает только тех, у кого есть жетон, оружие или ремесло.

— А остальные?

Сборщик пожал плечом.

— Башням нужны голоса.

Ася почувствовала не слова, а перемену в лице отца. Она коснулась его локтя. Март быстро показал ей что-то одной рукой. Девушка побледнела.

Лидия посмотрела на людей обоза. У одной повозки сидел мальчик с окровавленной повязкой на голове. Старик держал на коленях деревянную клетку с двумя притихшими курами. Женщина прижимала к себе свёрток, из которого торчала маленькая валяная шапка. Никто здесь не выглядел голосом для башни. Они выглядели людьми, которым некуда вернуться.

Высокий сигнал из-за холма прозвучал в третий раз.

Раструб ответил сам.

На этот раз гул ударил Лидии в грудь. Снег вокруг повозки осыпался с досок ровным кругом. Ася резко опустилась на колени и прижала ладони к земле. Её глаза расширились.

Она подняла правую руку и показала два пальца.

— Два? — спросила Лидия.

Ася кивнула и постучала по земле: один раз сильно, второй — едва заметно.

Лидия услышала. Главный тон раструба затихал, но под ним продолжала дрожать вторая нота. Не случайный скрежет от сорванной заклёпки. Ровный ответ, приходящий издалека.

Из-за Келого холма.

— Там не мёртвая башня, — сказала Лидия.

Сборщик медленно повернулся к ней.

— Что?

— Она звучит. Просто не тем голосом, которого вы ждёте.

Над холмом взметнулась стая чёрных птиц. Почти сразу снег под ногами дрогнул. Где-то в глубине земли прокатился тяжёлый удар, словно огромный молот попал по пустому колоколу.

Лошади заржали. На горизонте появилась тонкая тёмная линия. Она бежала по белой степи прямо к обозу, раздвигая снежный наст.

Сборщик вскочил в седло.

— Поднять повозки! Рог поставить! Всем, кто может петь, — к нему!

— Зачем? — крикнула Лидия.

— Дорога закрывается.

Март схватил её за руку и потянул к перевернутому возку.

— Если хочешь дожить до ворот, мастер, заставь свой рог ответить ещё раз.

Тёмная трещина в снегу приближалась. В ней не было ни магии, ни тайного смысла — только земля, раскалывающаяся под колёсами, людьми и лошадьми. Но за ней, под ней и внутри бронзового раструба продолжала звучать струна, которой Лидия не успела снять с виолы в своей мастерской.

И впервые после падения она подумала не о том, как вернуться домой.

Она подумала, как не дать этому огромному, незнакомому инструменту разорвать людей раньше, чем она поймёт, кто натянул его струны.

Глава 2. Обоз без права на ворота

Земля расходилась медленнее, чем казалось издали, и от этого было страшнее.

Тёмная линия не неслась к обозу, а ползла под снегом, ломая наст короткими ступенями. Сначала поднялся белый гребень, потом из него сыпалась земля, и лишь затем приходил глухой удар. Между ударами оставалось время увидеть, куда ляжет следующий разлом, но не хватало времени увести туда целую повозку.

— За дышло! — кричал Март. — Не за борт, дурни, перевернёте снова!

Люди обвязали канатами опрокинутый возок. Уцелевшую лошадь отвели в сторону; животное дрожало так сильно, что звенели кольца сбруи. Лидия стояла у бронзового раструба и пыталась понять, что именно они собираются поднимать.

Под днищем повозки был закреплён деревянный ящик длиной почти в человеческий рост. Его стенки стягивали железные обручи. Из одного конца выходила труба к раструбу, из другого — четыре каната разной толщины. Две бронзовые тяги уходили к оси колёс. Когда колесо поворачивалось, тяги должны были качать что-то внутри ящика.

— Нужен свет, — сказала Лидия.

Сборщик уже сидел в седле и следил за приближающимся разломом.

— Нужна дорога. Поднимайте.

— Если внутри оторвалась деталь, при подъёме её заклинит.

— Тогда расклинишь.

— Чем? У меня нет инструментов.

Он кивнул на разбросанные вещи:

— Найдёшь.

Лидия вдруг ясно поняла, что этот человек привык считать приказ заменой всему: времени, умению, материалам. Она встречала таких заказчиков. Они приносили рассыпавшуюся деку в полиэтиленовом пакете и требовали к пятнице «сделать как было». Но прежний мир защищал её договором, ценой и правом отказаться. Здесь между ней и требованием стоял только Март, а у Марта за спиной были раненые и дети.

Ася тронула Лидию за запястье. Здоровой рукой она показала на короб, затем на собственную ключицу и несколько раз качнула локтем.

— Там качается? — спросила Лидия.

Ася кивнула и приложила ладонь к доске. Потом нахмурилась, переставила пальцы ближе к железному обручу и показала: здесь.

Лидия легла на снег, прижалась ухом к ящику. Дерево передавало дальний гул дороги и частую дрожь людских шагов. Между ними перекатывался короткий металлический стук.

Внутри действительно болталась деталь. Не тяжёлая — звук был слишком звонким. Возможно, штифт или заклёпка, выпавшая из тяги.

— Поднимать можно, — сказала она. — Но не катить, пока не откроем короб.

— Тогда останетесь здесь, — отрезал сборщик.

Новый удар пришёл ближе. Снег взлетел в двадцати шагах от крайней повозки. Люди закричали и налегли на канаты без команды. Возок качнулся, раструб чиркнул по насту, бронза протяжно взвыла.

Келая ответила из-за холма.

Не звуком, а движением. По разлому пробежала рябь, и тёмная линия свернула к раструбу.

— Опустить! — крикнула Лидия.

Её не услышали. Она схватила женщину в синем платке за плечо и показала вниз. Та поняла первой, заорала остальным. Люди ослабили канаты. Повозка тяжело легла обратно.

Разлом остановился.

От его края до бронзы осталось пять шагов.

Сборщик побледнел.

— Почему?

— Раструб тянет ответ башни. Пока металл касается земли, звук уходит в неё иначе. Поднимете — он пойдёт через дорогу.

— Ты уверена?

— Нет.

Он будто не ожидал этого слова.

— Тогда зачем приказала опустить?

— Потому что увидела, как разлом повернул. Чтобы узнать наверняка, надо поднять снова. Хотите проверить?

Никто не захотел.

Март опустился рядом с Лидией.

— Значит, возок не увести.

— Увести. Нужно отделить раструб от земли и от ящика так, чтобы он не звучал при подъёме.

— Ты сказала, инструментов нет.

— Я сказала, у меня нет. У вас должны быть клещи, молоток, пила, ножовка по металлу — хотя бы зубило.

Март не понял половины названий, но подозвал людей. На снег выложили топоры, два тесака, кривые клещи, сверло с деревянной перекладной, моток тонкой проволоки и молоток, больше похожий на каменщицкий. Лидия перебрала их. Сталь была неоднородной, режущие кромки давно не правили. Из всего набора лучше всего выглядел маленький сапожный нож.

— Как раструб крепится?

Март показал три скобы. Две можно было выбить, третью погнуло при падении.

— Если снимем, обратно быстро не поставим, — сказал он. — Без рога нас не пустят на крепостную дорогу.

— Почему?

— Обоз должен назвать себя у рубежа.

— Пусть люди назовут.

— Башня людей не спрашивает.

Лидия посмотрела на бронзу. Получалось, сломанный механизм был не просто сигналом, а пропуском. Снять его означало спасти обоз сейчас и остановить у следующей черты. Оставить — позволить мёртвой башне расколоть под ними дорогу.

В её мастерской подобная развилка решалась просто: не включать повреждённый инструмент до осмотра. Здесь безопасного шкафа и запасного дня не было.

— Можно заглушить раструб, не снимая, — сказала она. — Нужна плотная шерсть. Много. И ремни.

Синий платок тут же сняли с головы хозяйки. Та возмутилась, но отдала его, когда Март объяснил. Принесли два одеяла, полушубок с прожжённым рукавом и войлочную попону. Лидия скатала плотный валик, затолкнула в горло раструба и закрыла сверху сложенной попоной. Ремни затянули крест-накрест.

— Этого мало, — сказал сборщик.

— Для тишины — мало. Для изменения звука — возможно, хватит.

— Опять возможно.

— Я вижу эту вещь впервые. Хотите уверенности — приведите того, кто её сделал.

Он отвернулся. По тому, как быстро, Лидия поняла: такого человека у него нет.

Повозку поднимали медленно. Восемь человек тянули канаты, четверо подсовывали под борт жерди. Март командовал, Ася стояла босыми коленями в снегу и держала ладонь на земле. Лидия следила за ней. Когда раструб оторвался от наста, Ася вздрогнула, но показала раскрытую ладонь: спокойно.

Колёса встали. Одно было цело, у второго треснула ступица. Из заглушённого раструба донёсся глухой вздох. Разлом не двинулся.

Люди перевели дыхание.

— Теперь короб, — сказала Лидия.

— Теперь едем, — возразил сборщик.

Он приказал двум всадникам ехать впереди, остальным — развернуть обоз вдоль балки. Люди бросились запрягать уцелевших лошадей. Треснувшее колесо обмотали сыромятным ремнём. Раненых переложили. Тело погибшего коня даже не успели разделить — Март снял только сбрую и закрыл животному глаза ладонью.

Лидия осталась возле сигнальной повозки. Ей дали чужие валенки, слишком большие, и коричневый полушубок, пахнувший дымом. Теплее стало не сразу. Пальцы ног заболели, будто в них забивали иглы.

Ася подошла, держа повреждённую руку у груди. Лидия осторожно развернула платок. Кости, похоже, были целы, но запястье быстро распухало. На коже отпечатались витки каната.

— Пальцами можешь?

Ася следила за губами. Лидия показала движение. Девушка по очереди согнула четыре пальца и большой, поморщилась, но сделала всё.

— Хорошо. Холод приложить ненадолго, потом держать выше.

Ася усмехнулась и обвела рукой снежную степь: холод найти было нетрудно.

Лидия тоже улыбнулась. Потом указала на раструб и показала два пальца, повторяя Асин жест.

Девушка положила здоровую ладонь Лидии на ключицу. Второй рукой постучала по собственной груди: сильный удар, слабый. Затем взяла пальцы Лидии и прижала их к деревянному борту. В доске ощущалась частая дрожь — люди грузили мешки. Под ней проходила более медленная волна. Один толчок был тяжёлым, второй приходил позже и сбоку.

— Башня и дорога, — предположила Лидия.

Ася покачала головой. Показала на раструб, потом на дальний холм. Два голоса. Один здесь, один там.

— Они не совпадают.

Теперь девушка кивнула.

Повозка тронулась. Короб под днищем стукнул. Заглушённый рог ответил низким ворчанием, а треснувшее колесо заскрипело на каждом обороте.

Лидия шла рядом и считала звуки. Скрип колеса повторялся ровно. Стук внутри ящика — нет. Иногда он приходил после двух оборотов, иногда после трёх, а на кочке пропадал. Значит, выпавшая деталь перекатывалась свободно и пока не попадала между движущимися частями.

Обоз растянулся вдоль балки. Впереди ехал сборщик, за ним вели раненых, дальше шли дети и старики. Замыкали две повозки с мешками. На дальнем склоне показались тёмные точки.

— Погоня? — спросила Лидия.

Март прищурился.

— Пока вороны.

— От чего вы бежите?

— От людей, которым нужен берег Таи. От людей Варна, которым нужны наши руки. От зимы. Выбирай.

— Кто такой Варн?

Март посмотрел на сборщика.

— Тот, кто решает, какие ворота открыть и сколько чужих голосов за это отдать.

Они шли почти час. Келый холм приближался, закрывая половину неба. Издали он казался обычной складкой степи, но у подножия Лидия увидела каменную кладку. Башня стояла внутри холма: снег и земля поглотили нижние ярусы, наружу торчал только расколотый верх, похожий на два чёрных зуба.

Дорога огибала руину. Перед поворотом в снег были вбиты столбы с бронзовыми пластинами. Между ними не висело ни цепи, ни ворот, однако передний всадник остановился.

— Рубеж, — сказал Март. — Теперь рог должен назвать обоз.

Сборщик подъехал к сигнальной повозке.

— Снимайте тряпье.

— Нет, — сказала Лидия.

— За рубежом нас догонят к ночи.

— Если открыть раструб, башня снова потянет дорогу.

— Рог подаёт один раз.

— Этого может хватить.

Он вынул из-за пазухи плоскую бронзовую пластину. На ней были выбиты четыре знака: колесо, три черты, птица и ломаная линия. Сборщик вставил пластину в щель на боку короба.

Внутри щёлкнуло. Выпавшая деталь перекатилась и застряла с резким скрежетом.

Лидия присела.

— Не трогайте канаты.

— Это обозный знак. Без него рог не назовёт число повозок и ремесло.

— Он уже что-то заклинил.

— Тогда открой.

На боковой стенке короба не было крышки. Доски соединялись в паз, обручи стягивали их намертво. Но одна короткая планка отличалась цветом — её меняли позже. Лидия провела по краю ногтем и нашла две деревянные пробки. Под ними скрывались головки штифтов.

— Молоток.

Март подал инструмент. Лидия выбила первый штифт, второй пришлось раскачать клещами. Планка вышла вместе с комком старой промасленной шерсти. Внутри обнаружился ряд тонких бронзовых язычков, как у гигантской музыкальной шкатулки. Напротив них вращался деревянный вал с выступами. Пластина сборщика сдвигала выступы, меняя последовательность ударов.

Между двумя язычками застрял бронзовый палец длиной с мизинец.

— Вот ваша деталь.

Лидия потянулась к ней, но Ася перехватила её руку и указала глубже. Один из язычков был выгнут. Его острый край касался соседнего. При движении они должны были звучать одновременно — те самые два тона.

— Видишь? — спросила Лидия.

Ася положила пальцы на короб и кивнула.

Бронзовый палец удалось достать сапожным ножом. Он оказался частью рычажка, который должен был отводить выгнутый язычок. У основания виднелся свежий излом.

— Починить можешь? — спросил Март.

— Сделать новый рычаг — да. Здесь и сейчас — нет. Но можно временно развести язычки прокладкой.

Лидия вырезала из ремня узкую полоску, сложила втрое и вставила между пластинами у основания, где движение было меньше. Потом нажала на выступ вала. Первый язычок отошел чисто. Второй остался неподвижен.

— Теперь можно снять заглушку? — спросил сборщик.

— Раструб всё ещё помят, крепление сорвано. Подадите самый слабый знак.

— Слабых знаков нет.

— Тогда появится первый.

Сборщик хотел возразить, но за дальним склоном протрубили. На этот раз звук был не башенный. Несколько коротких сигналов, быстро приближающихся. Вороны на склоне превратились во всадников.

Люди обоза заговорили разом.

— Дайте мне пластину, — сказала Лидия.

— Зачем?

— Вы сказали, выступы называют число и ремесло. Мне нужен самый короткий рисунок.

— Крепость не признает неполный знак.

— Тогда пусть не признаёт. Нам нужно пройти рубеж, а не понравиться крепости.

Она вытащила пластину. Четыре ряда выемок соответствовали четырём знакам. Если вставить её не до конца, вал зацепит лишь первый ряд. Лидия показала сборщику.

— Колесо, — сказал он. — Просто обоз. Без числа, без дозволенного ремесла и без дороги назначения.

— Хорошо.

— Плохо. Пустые обозы разбирают на нужды войска.

Март поставил ладонь на короб.

— А полные без знака оставляют снаружи. Подавай колесо.

С раструба сняли ремни и попону, но шерстяной валик Лидия оставила внутри, вытащив лишь половину. Он должен был приглушить звук, не перекрыв воздух совсем. Сборщик вставил пластину до первой метки. Март взялся за главный канат.

— Кто дует?

— Никто, — ответил он. — Колесо разгоняет мех.

Лидия посмотрела на бронзовые тяги у оси. Чтобы подать сигнал, повозка должна двигаться.

Люди впряглись рядом с лошадьё. Колесо провернулось. Тяги закачались. Внутри короба вал поднял единственный язычок.

Рог выдохнул низко и глухо.

Звук пошёл не вперёд, а будто вниз, под снег. Бронзовые пластины на столбах задрожали. Между ними воздух стал плотным; Лидия увидела тонкую белую плёнку, похожую на иней на стекле.

Второй оборот колеса. Ещё один выдох.

Плёнка лопнула без шума. За столбами открылся участок дороги, которого секунду назад не было: утоптанная полоса уходила вокруг Келого холма.

— Ведите! — крикнул Март.

Обоз двинулся через рубеж. Сначала повозка с ранеными, затем дети, пешие, мешки. Сборщик считал их, сжимая губы. За холмом снова ответила башня, но теперь её второй тон не нашёл пары в обозном роге. Земля дрогнула и успокоилась.

Ася ударила ладонью по борту и улыбнулась Лидии.

Последняя повозка прошла между столбами, когда на гребне показались преследователи. Их было не меньше двадцати. Первый поднял лук.

Белая плёнка сомкнулась. Стрела долетела до рубежа, потеряла силу и упала в снег.

Люди обоза закричали от радости. Кто-то обнял Лидию сзади. Она едва удержалась на ногах.

Сборщик радости не разделял.

— Рубеж пропустил пустой обоз, — сказал он. — У ворот это увидят.

— Обоз не пустой, — ответил Март.

— По знаку — пустой. Ни ремесла, ни права на убежище. Я проведу вас до заставы, дальше начальник решит, кого взять.

Дорога поднялась на склон. С вершины Лидия впервые увидела Ренву.

Крепость стояла далеко, на другом краю белой равнины, но казалась частью горы. Три ряда стен поднимались один над другим. Над ними чернели башни с бронзовыми венцами. К одной вела дорога, забитая повозками и людьми. Перед внешними воротами толпа тянулась вдоль стены, как тёмный шов.

Ворота были закрыты.

По обе стороны от них висели огромные медные чаши. Время от времени одна вспыхивала красным, и небольшую группу пропускали внутрь. Остальные оставались на снегу.

— У нас есть мастер, — сказал Март.

Сборщик посмотрел на Лидию.

— У вас есть женщина, которая испортила полный знак и открыла рубеж обманом.

— У вас есть живой обоз, — ответила она. — Если бы подали полный знак, башня могла расколоть дорогу.

— Это ещё придётся доказать.

Ася коснулась короба, потом указала назад, на скрывшуюся за холмом Келую. Лидия поняла её прежде Марта.

— Башня ответила, — сказала она. — Девять лет молчала и ответила вашему рогу. Разве это не доказательство ремесла?

Сборщик долго смотрел на неё. Потом вынул пластину из короба и перевернул. На обратной стороне не было знаков, только глубокая царапина.

— Если у ворот рог повторит ответ Келой, вас признают башенным обозом. Людей пропустят до мастерского двора.

— А если не повторит?

— Ремесленников отберут. Остальные останутся за стеной.

Март крепко выругался.

Лидия посмотрела на дорогу к Ренве, на людей, которые уже решили, что спасены, на Асю с распухшим запястьем. Потом — на открытый короб сигнального механизма. Она сумела убрать ложный второй тон. Теперь от неё требовали вернуть его, но так, чтобы он стал не поломкой, а именем для целого обоза.

— Мне понадобится новый рычаг, — сказала она. — Твёрдое дерево, проволока, огонь и час без тряски.

— До ворот три часа пути, — ответил Март.

— Значит, мастерскую устроим на ходу.

Ася положила ладонь на борт рядом с ладонью Лидии.

Повозка скрипнула, принимая их общий вес, и далеко позади мёртвая башня снова подала слабый, неправильный голос.

Глава 3. Девочка, слышащая камень

На ходу мастерская получалась скверная.

Повозка вздрагивала на промёрзших колеях, из открытого короба тянуло горелой шерстью, а каждые несколько минут Март кричал, чтобы люди поднажали: дорога за обозом снова начинала белеть, словно снег зализывал следы. Лидия сидела на доске, поджав ноги, и держала бронзовый обломок между большим и указательным пальцами. От холода металл норовил выскользнуть.

Рычажок был не просто сломан. Его сорвало вбок, у самого шарнира. На изломе одна половина сияла свежо, другая потемнела. Трещина росла давно, а последний удар лишь закончил работу.

— Проволока, — сказала Лидия.

Март, шагавший рядом, обернулся.

— Какая?

— Медная. Или мягкая бронзовая. Толщиной с иглу.

— В обозе и иглы считают по головам.

— Тогда снимите обмотку с рукояти ножа. Я видела у вашего сборщика.

Март хмыкнул.

— Сними у него сама. Заодно узнаешь, куда он втыкает нож, когда ему не нравится совет.

Ася, сидевшая напротив, заметила движение отцовских губ и вопросительно подняла брови. Март показал пальцами тонкую нить, потом указал на ехавшего впереди сборщика. Девушка улыбнулась и сделала жест, смысл которого Лидия угадала без перевода: отдай мне.

— Нет, — одновременно сказали они с Мартом.

Ася закатила глаза.

Её ушибленное запястье было подвязано полосой холста. Здоровой рукой она перебирала обрезки, которые Март высыпал из своего ящика: гнутые гвозди, костяные пуговицы, три коротких шила, кусок сыромятного ремня, медную монету с квадратной дырой. Лидия уже отобрала гвоздь. По толщине он годился, но железо было слишком тяжёлым и жёстким. Новый рычаг из него заставил бы язычок отвечать позже. В обычном сигнальном рожке запоздание в долю секунды испортило бы мелодию. Здесь оно могло закрыть дорогу на середине обоза.

Она положила обломок на монету. Отверстие почти совпало с осью шарнира.

— Деньги портить можно?

Март увидел, что она задумала, и вытащил монету из-под детали.

— Этой платят за меру соли.

— А сколько стоит место за стеной?

— За стеной соль тоже понадобится.

Лидия хотела ответить, но повозка наехала на камень. Короб качнулся. Из глубины рога донёлся короткий дребезг.

Ася сразу прижала ладонь к доске. Улыбка исчезла. Она постучала ногтем: раз, затем два быстрых удара. Подождала. Повторила.

— Тот самый второй голос? — спросила Лидия.

Девушка покачала головой. Показала два пальца, развела их, потом свела и резко дёрнула кистью, будто обожглась.

— Они сходятся только на кочке?

Кивок.

Лидия вынула ремennую прокладку между язычками. Края кожи уже почернели, хотя сигнал у рубежа прозвучал всего дважды. Пластины не просто касались. Между ними проскочил жар.

Она нажала на выгнутый язычок деревянной ручкой шила. Тот нехотя отошёл. С виду бронза была целой. Лидия провела ногтем вдоль ребра, потом попросила у Марта щепоть муки.

— Муку зачем переводить?

— Чтобы не переводить людей.

Он принёс горсть из соседней повозки. Лидия растёрла белую пыль по язычку и слегка согнула его. На ровной поверхности проступила тонкая тёмная черта. Она шла не поперёк, как бывает при обычной усталости металла, а наискось к основанию.

— Ещё одна трещина, — сказал Март.

— Возможно. Но этот язычок хоть можно заменить.

Ася снова ударила по борту. Не согласилась.

Она соскочила на дорогу, едва не попала под заднее колесо и побежала рядом с повозкой, касаясь ладонью досок. Март выругался и схватил её за ворот, но девушка отбилась. Перешла к передней стенке короба, потом к дышлу, потом присела возле ступицы. Двигалась с уверенностью человека, который слышит разговор, недоступный остальным.

Лидия выбралась следом. Мороз перехватил дыхание.

— Не тащи её. Спроси, где сильнее.

Март коснулся плеча дочери и повторил вопрос жестами. Ася указала не на механизм, а на длинное бронзовое горло рога. Оно проходило под настилом и выходило раструбом позади повозки. По бокам его держали деревянные колодки, стянутые обручами.

— Корпус? — спросила Лидия.

Ася прижала обе ладони к настилу над горлом и зажмурилась. Потом повела рукой вперёд, к узкой части, и остановилась там, где бронза исчезала в деревянной раме.

Март постучал костяшками по металлу. Рог отозвался тускло.

— До утра был цел.

— До утра никто не заставлял его отвечать башне.

Лидия попросила остановить повозку. Сборщик оглянулся, но Март крикнул, что заклинило колесо. Ложь его не обрадовала, зато дала несколько минут.

Они выгребли из-под настила мешки, запасную ось и связку промёрзших шкур. Рог оказался больше, чем казалось сверху. Его горло было собрано из трёх бронзовых частей. Стыки охватывали широкие кольца, забитые деревянными клиньями. На первом кольце виднелась вмятина от старого удара. На втором — зелёные потёки.

Лидия легла на снег и посветила внутрь щели лучиной. Пламя металось от ветра. Она увидела край бронзы, тёмную прокладку и застывшие капли какого-то состава.

— Здесь паяли.

— Чинили, — поправил Март.

— Плохо чинили.

— Хорошего мастера в обоз не отдадут.

Лидия высунулась из-под повозки.

— А плохого?

— Плохой сам идёт. Говорит, что всё умеет.

Ася рассмеялась беззвучно. Март сердито посмотрел на неё, но угол рта дрогнул.

По дороге прокатился крик: передние повозки ушли слишком далеко. Сборщик развернул коня.

— Колесо цело.

— Зато рог нет, — сказала Лидия.

— До ворот должен быть цел.

— Он треснул изнутри. Если заставите его повторить ответ Келой, трещина раскроется. Сборщик спешил и нагнулся к раструбу, словно мог увидеть повреждение снаружи.

— Где?

— Пока не знаю.

— Тогда не пугай людей.

Он велел трогаться. Март посмотрел на Лидию, ожидая возражения, но она забралась обратно и закрыла короб. Спорить на дороге было бессмысленно. Сначала нужно было найти повреждение и показать так, чтобы понял человек, считающий трещиной только дыру, в которую пролезает палец.

Обоз ускорился. К полудню Келый холм остался далеко позади, а стены Ренвы выросли. Теперь Лидия различала зубцы, копы на внешнем валу и очередь перед воротами. Дорога разветвлялась. Одна полоса вела к чашам над главным входом, другая — к длинным навесам, где дымили костры. Людей там было так много, что снег казался серым.

Рядом с каждым ответвлением стояли низкие каменные столбы. Когда проходила дозволённая повозка, столб отзывался коротким гулом. Когда к нему приближались пешие без знака, в дороге поднималась дрожь, и человек отступал, держась за колени.

Лидия смотрела на эти столбы и думала о музейных витринах. За стеклом музыкальный инструмент казался вещью, которая ждёт рук исполнителя. Но стоило снять деку, как обнаруживалось: инструмент хранил все прикосновения. Слишком туго натянутую струну. Воду, попавшую под лак. Гвоздь, которым торопливый хозяин заменил утраченный штифт. Здесь вместо инструмента лежала целая дорога, а вместо плохого ремонта могли быть люди, упавшие в снег.

Она достала сигнальную пластину и провела ногтем по четырём рядам выемок.

— Если подать только первый знак, рог звучит низко. Что делает второй?

Март посмотрел на дорогу.

— Считает повозки.

— Как звук может их сосчитать?

— Колёсные пластины отвечают. У каждой телеги своя.

Он показал маленький медный лепесток у ступицы. На соседних повозках висели такие же, но разной длины.

— Третий знак?

— Ремесло.

— Четвёртый?

— Куда нас вести. К лекарям, к складам, к военному двору. Куда позволит крепость.

— А ответ Келой где записан?

— Нигде. Башня отвечает сама.

Это и тревожило. Обозный рог посылал рисунок, башня возвращала его, но изменённым. Словно огромное помещение добавляло эхо. Если эхо попадало точно в частоту повреждённого корпуса, слабая трещина начинала расти. Ася чувствовала момент встречи двух колебаний руками. Лидия слышала лишь результат — лишний низкий тон.

— Мне нужен мел, уголь и пустая кружка, — сказала она.

— Решила напиться?

— Если получится, ты первый нальёшь.

Мел нашёлся у женщины, помечавшей мешки. Уголь вынули из жаровни, кружку дала Ярина. Бывшая певчая шла пешком возле повозки с ранеными и до сих пор почти не говорила. Когда Лидия объяснила, для чего нужны вещи, Ярина присела рядом с коробом.

— Ты хочешь слушать воду?

— Смотреть звук.

Лидия налила в кружку воды до краёв и поставила на доску. Повозка качалась слишком сильно: вода расплёскивалась без всякого рога. Тогда они подвесили кружку на четырёх ремешках внутри короба. Качка осталась, но стала медленнее. Лидия начертила мелом черту по уровню воды.

— Провернём вал рукой. Очень медленно.
— Сигнал уйдёт в дорогу, — предупредил Март.
— Мех не качаем. Язычок даст слабый звук внутри короба.
Ася положила ладонь на доску. Ярина придержала вал. Лидия нажала первый выступ.
Чистый язычок звякнул. На воде появились тесные ровные круги.
Второй выступ поднял повреждённую пластину. Звук был ниже, чем Лидия ожидала.
Вода дрогнула и пошла крестом: круги столкнулись с мелкой рябью откуда-то снизу.
Ася хлопнула по доске.
— Ещё раз, — сказала Лидия.
Ярина повторила. Вода опять разделилась на четыре неровных участка. Даже Март это увидел.
— Два звука, — сказал он.
— Один от язычка. Второй уже живёт в корпусе.
Сборщик услышал последние слова. Он ехал рядом и теперь наклонился с седла.
— Рог молчит.
— Для твоих ушей — да. Для неё нет.
Лидия указала на Асю.
Сборщик поморщился, не скрывая жалости.
— Она глухая.
Ася прочитала это по губам. Спокойно взяла кружку и выплеснула воду ему на сапог.
Ярина отвернулась, пряча улыбку. Март даже не пытался.
— Она слышит то, чего не слышишь ты, — сказал он.
— Руками камень не слушают.
Ася спрыгнула с повозки. Подошла к ближайшему дорожному столбу и положила ладонь на его вершину. Впереди к развилке как раз подъезжала крытая телега. Девушка закрыла глаза и подняла три пальца.
На телеге были видны два колеса. Третье скрывалось за корпусом, четвёртое — тоже.
Сборщик усмехнулся.
Ася загнула один палец.
Через несколько мгновений из-под телеги выскочил мальчик, который шёл рядом и держался за заднюю ось. Он догнал мать у навесов. Ася показала два пальца.
— Две повозки, — перевёл Март.
Из-за крытой телеги показалась вторая, маленькая. Дорожный столб отозвался двумя низкими ударами.
Сборщик перестал улыбаться.
Ася вернулась и постучала костяшками по бронзовой стенке рога. Затем приложила ладонь к камню дороги, показала на Ренву и снова подняла два пальца.
— Два голоса идут от крепости? — спросила Лидия.
Ася кивнула. Один палец направила на ворота. Второй — под дорогу.
Лидия посмотрела вперёд. Медные чаши над воротами вспыхнули. Каменные столбы откликнулись, и дрожь прокатилась под ногами прежде, чем до них долетел далёкий гул.
— Она чувствует башню раньше нас, — сказала Ярина.
В её голосе не было удивления. Только страх.
— Ты знала, что так бывает? — спросила Лидия.
Ярина опустила рукав поверх старого шрама на горле.
— В певчих рядах нас учили держать ступнями общий тон. Когда слух начинал уходить, оставался камень. Потом уходил и он.
— У Аси слух не уходил, — резко сказал Март. — Она родилась такой.
— Потому и чувствует больше, чем мы. Её не учили бояться второго голоса.

Сборщик постучал рукоятью плети по сапогу.

— У ворот не станут слушать рассказы. Нужен ответ Келой.

— Если трещина в горле, полный ответ разорвёт рог, — сказала Лидия.

— Если ответа не будет, начальник заставы разорвёт обоз. Ремесленных направит в крепость, остальных — к земляным работам.

— А детей?

— С отцами, если те годны. Без отцов — куда определяют.

Март шагнул к нему, но Ярина удержала его за локоть.

Лидия почувствовала знакомую злость — холодную, удобную для работы. Такая приходила, когда владелец редкого инструмента требовал натянуть старые струны до концертного строя, хотя дека уже выгнулась. Он говорил о вечере, о публике, о деньгах. Лидия говорила о трещине. Обычно у неё была власть снять струны и написать заключение. Здесь заключение никто читать не собирался.

— Дайте мне полчаса на стоянке, — сказала она. — Я найду место повреждения. Потом решим, можно ли подать ответ.

— У нас нет стоянки.

— Тогда она будет у ворот, когда нас всё равно поставят в очередь.

Сборщик посмотрел на серую толпу впереди. Спорить с очередью не мог даже он.

Обоз достиг навесов через час. Запах дыма, мокрой шерсти и нечистот ударил сильнее мороза. Люди сидели на мешках, лежали под повозками, грели руки над ямами с углями. На каждом навесе висела доска со знаками. Возле одной плакала женщина, прижимая к груди деревянный жетон. Стражник равнодушно повторял, что чаши её не признали.

Их поставили в четвёртый ряд. До ворот было не меньше сорока повозок. Сборщик уехал к заставе договариваться о проверке.

— Полчаса, — напомнил Март.

— Теперь нужна тишина.

Он оглядел лагерь, где кричали дети, ревели быки, звенели котлы и над воротами били чаши.

— Её тоже купить за меру соли?

— Сделаем свою.

Лидия велела разгрузить сигнальную повозку и снять задние колёса. Корпус опустили на свёрнутые шкуры. Под бронзовое горло подложили мешки с зерном, чтобы оно не касалось рамы. Потом Лидия попросила всех отойти.

Шум не исчез, но теперь не передавался в рог через оси и колёса. Ася легла рядом на шкуры. Лидия постукивала деревянной ручкой шила по корпусу через равные промежутки, а девушка отмечала углём места, где менялась дрожь.

У первого кольца — ничего. У второго Ася подняла ладонь. Лидия повторила удар. Девушка нарисовала короткую черту. Ещё на ладонь дальше — вторую. Черты расходились.

— Между ними? — спросила Лидия.

Ася кивнула.

Снаружи бронза была гладкой. Лидия вытерла зелёный налёт уксусом, который принесли из лекарской повозки. Под ним обнаружилась тонкая полоска припоя. Кто-то залил старую трещину снаружи и спрятал её под кольцом. Но звук шёл глубже.

— Надо снять обруч, — сказала она.

Март посмотрел на клинья.

— Снимем — назад не посадим.

— Посадим, если дерево не сгнило.

— А если сгнило?

— Тогда хорошо, что узнаем не во время сигнала.

Они выбивали клинья по кругу. Первые вышли легко. Последний разбух и не двигался. Март хотел расколоть его топором, но Ася остановила отца, показала на горшок у костра и на клин. Его полили горячей водой, потом охладили снегом. Дерево едва заметно сжалось, и клин удалось вытянуть клещами.

— Откуда она знает? — спросила Лидия.

— С телегами выросла. Если колесо не видит, не значит, что его нет.

Они стянули кольцо. Под ним бронза была покрыта сеткой тёмных линий. Главная трещина начиналась у шва, огибала треть горла и уходила внутрь соединения. Припой держал её снаружи, но изнутри края давно разошлись. Каждый сильный звук заставлял их ударяться друг о друга. Так рождался второй тон.

Март провёл пальцем по линии.

— Можно залить снова?

— Нет. Старый припой надо убрать, края очистить, поставить накладку. И проверить весь шов.

— До проверки обоза?

— Нет.

Он сел прямо в снег.

Ася продолжала ощупывать горло. Дошла до широкой части, остановилась и приложила ухо к бронзе — привычное движение, бесполезное для слуха, но, видимо, удобное для щеки. Потом подозвала Лидию.

Под пальцами ощущалась медленная дрожь. Она приходила со стороны крепости. Не звук лагеря, не шаги. Ровные толчки с большими промежутками.

— Башня зовёт рог, — сказала Ярина.

— Почему сейчас?

— Проверяют ряды. Сначала дорога спрашивает, потом каждый обоз отвечает.

Над воротами вспыхнула левая чаша. Первый в очереди рог протрубил. Камень под ногами отозвался. Вторая повозка подала знак. Затем третья.

Ответ приближался.

— Сколько у нас времени? — спросила Лидия.

— До нашего ряда дойдут скоро, — сказал Март. — Если промолчим, нас отведут к пустым.

— Если ответим, рог может раскрыться.

— Тогда отправят туда же, только без рога.

Ася взяла обломанный рычажок, монету и нож. Положила монету на доску и ударила рукоятью.

Март схватил её руку.

— Это соль.

Девушка высвободилась. Прижала монету к груди, показала на себя, потом на толпу обоза. Провела пальцем поперёк горла и отрицательно покачала головой.

— Говорит, соль её, — перевёл он мрачно. — Голоса наши.

— Разумная дочь, — сказала Ярина.

— Вся в мать.

Март отвернулся и протянул Лидии монету.

Медь была слишком мягкой для постоянной детали, зато могла выдержать один слабый запуск. Лидия положила сверху обломок, обвела углём и начала резать металл ножницами Ярины. Края получились неровными. Она обточила их камнем, проколола отверстие шилом и согнула короткое плечо. Вместо оси взяла тонкий гвоздь, прокалённый в жаровне и медленно остуженный у края углей, чтобы он не ломался от каждого толчка.

Новый рычаг двигался тяжелее старого. Лидия ослабила возвратную пружину на один оборот. Язычок поднялся и лёг на место без касания соседнего.

— Механизм готов, — сказала она. — Корпус нет.

Ярина смотрела на открытую трещину.

— Можно не давать ей петь?

— Можно не давать краям расходиться.

Лидия попросила два тонких ремня и деревянные планки. Планки следовало положить вдоль горла, ремни натянуть вокруг них. Получалась внешняя шина, как на сломанной руке. Она не лечила бронзу, только удерживала на время. Между металлом и деревом Лидия положила мокрую шерсть: та должна была гасить лишнюю дрожь.

Ася проверяла каждый виток. Там, где Лидии казалось достаточно туго, она требовала ещё пол-оборота. У последней планки, напротив, остановила Марта. Ослабила узел на ширину пальца. Провела ладонью и кивнула.

— Почему здесь слабее? — спросила Лидия.

Ася показала, как трещина идёт наискось. Если стянуть все планки одинаково, край возле шва выгнется внутрь.

— Ты не камень слышишь, — тихо сказала Лидия. — Ты видишь, куда он хочет двигаться.

Девушка не могла услышать, а губы Лидии были опущены. Но смысл она словно поняла. Коснулась двумя пальцами своих глаз, потом ладонью бронзы.

Очередной рог подал знак. Теперь ответила повозка в начале их ряда.

Сборщик вернулся не один. За ним шли четверо солдат в серых плащах и сухой невысокий мужчина с дощечкой для записей. На его воротнике блестело семь бронзовых полос.

— Начальник счёта Эрд, — представил его сборщик. — Он примет знак.

Эрд оглядел снятые колёса, обруч на снегу и стянутый планками рог.

— Это башенный обоз или куча дров?

— Пока обоз, — сказала Лидия. — Кучей дров станет, если подать полный сигнал.

— Мне сказали, Келая ответила после девяти лет молчания.

— Ответила.

— Значит, вы подадите тот же знак.

— Нет. Мы подадим короткий и тихий. Вы запишете, что башня узнаёт рог. После этого я разберу соединение и починю его.

Эрд посмотрел не на неё, а на сборщика.

— Чья мастерка?

— Ничья. Нашли на дороге.

— Тогда кто отвечает, если разорвёт чашу?

— Чашу не разорвёт, — сказала Лидия. — Разорвёт рог. Людей рядом посечёт бронзой.

— Поэтому отойдём.

— А кто удержит мех и пластину?

Эрд пожал плечами. Для него вопрос был простым: тот, кто оказался дешевле механизма. Март встал между ним и повозкой.

— Никто не подаёт знак, пока мастер не скажет.

Солдаты взялись за древки копий. Ася шагнула рядом с отцом. Ярина — с другой стороны.

Лидия увидела, как быстро обоз собирается в семью, хотя ещё утром эти люди спорили из-за мест на телегах. Увидела и другое: если сейчас она просто откажется, Эрд велит солдатам поставить к меху кого-нибудь из них. Может быть, Марта. Может быть, Ярину, потому что у неё уже был опыт платить голосом.

— Сигнал подам я, — сказала Лидия. — На моих условиях.

Март резко повернулся.

— Ты не знаешь, какую цену возьмёт башня.

— Поэтому мех будет качать колесо без человека. Верёвку привяжем к оси и потянем из-за навеса. Пластины вставим только до первого ряда. В горле останется шерстяная заглушка. Ася будет у дорожного столба, не у рога. Если почувствует второй тон, даст знак остановить.

— Глухая будет решать, когда крепости замолчать? — спросил Эрд.

Ася подошла к нему вплотную. Взяла его дощечку и приложила к каменному столбу. Потом постучала по камню с обратной стороны. Дощечка дрогнула в его руках.

Эрд нахмурился, но не отнял её.

— Она будет решать, когда спасти ваш рог, — сказала Лидия. — Или вы можете потерять его и узнать, умеют ли дрова отвечать башням.

Начальник счёта сдался неохотно. Солдаты оттащили людей от повозки. Колесо подняли на козлы, верёвку намотали на ступицу. Март и ещё трое укрылись за навесом. Лидия установила сигнальную пластину на первую метку. Новый рычаг из Асиной монеты блестел внутри короба.

Она оставила заглушку почти целиком. Рог должен был не крикнуть, а выдохнуть.

Ася встала у столба. Одну ладонь положила на камень, вторую подняла над головой. Пока ладонь раскрыта — тянуть. Сожмёт кулак — остановить.

Ярина подошла к ней и встала спиной к воротам, чтобы видеть и девушку, и повозку. Повторит знак, если за дымом его не заметят.

— Готовы! — крикнул Март.

Лидия закрыла короб и отошла за перевёрнутое корыто. Эрд остался рядом с солдатами, показывая, что не боится. Только дощечку держал перед грудью.

Верёвка натянулась. Колесо провернулось.

Мех внутри повозки вздохнул.

Рог подал низкий, приглушённый звук. От него не заболели зубы, как утром. Деревянные планки на горле задрожали, ремни натянулись. На миг показалось, что всё получилось.

Каменный столб ответил.

Ася вскинула подбородок. Её раскрытая ладонь дрогнула.

Из-под дороги пришёл второй толчок — слабый, ещё далёкий.

Лидия услышала, как внутри рога зашуршала мокрая шерсть. Края трещины пытались разойтись, но шина держала. Новый рычаг опустил язычок вовремя.

Ася не сжимала кулак.

— Ещё пол-оборота! — крикнула Лидия.

Колесо двинулось. Рог повторил знак. На этот раз звук ушёл в камень, и вся дорога к воротам словно стала струной.

Правая чаша над входом вспыхнула белым.

Издали, из-за Келого холма, пришёл ответ. Сначала Лидия почувствовала его коленями. Потом услышала знакомый неправильный голос башни — два близких тона, которые то сходились, то расходились.

Ася сжала кулак.

Ярина повторила знак. Март отпустил верёвку. Колесо сделало по инерции ещё четверть оборота.

Этого хватило.

В глубине рога что-то щёлкнуло. Одна из планок выгнулась, но ремень не лопнул. Из раструба вылетел комок мокрой шерсти и шлёпнулся в снег. Затем наступила тишина.

Лидия подбежала к корпусу. Трещина раскрылась у шва на толщину ногтя и остановилась. Ася уже была рядом. Она прижала ладонь к бронзе, потом подняла большой палец.

Жив.

Над воротами белая чаша продолжала гореть.

Эрд смотрел то на неё, то на Келый холм.

— Башенный ответ, — произнёс он. — Старый второй голос.

— Не голос, а поломка, — сказала Лидия. — У башни тоже повреждён корпус. Возможно, такой же шов.

— Келая молчала девять лет.

— Она не молчала. Вы просто не давали ей подходящий звук.

Начальник счёта медленно опустил дощечку. В его глазах впервые появилось не раздражение, а расчёт.

— Семь полос, — сказала Ярина едва слышно. — Он отвечает за семь башенных дорог.

Эрд повернулся к солдатам.

— Обоз записать башенным. Рог и мастерку — во двор настройки. Остальных проверить по числу колёс.

— Всех вместе, — сказал Март.

— Башенный обоз входит целиком, если подтвердит ремесло. Подтвердил.

Люди за навесом ещё не поняли. Потом кто-то закричал, что их пропустят. Крик пошёл по ряду. Женщина обняла Ярину, мальчишки бросились поднимать колёса, старики задвигались к повозкам.

Лидия не радовалась. Эрд уже диктовал сборщику описание рога, размеры трещины и её имя. Слишком подробно для человека, которому требовалось лишь впустить обоз.

Из ворот выехали всадники. Впереди был широкоплечий офицер в чёрном плаще без меха, будто мороз к нему не относился. За седлом висели связки бронзовых жетонов. Солдаты у навесов выпрямились.

Эрд пошёл навстречу.

— Кто это? — спросила Лидия.

Ярина прикрыла шрам на горле.

— Сбор голосов.

Офицер спешил к сигнальной повозке и не посмотрел ни на детей, ни на раненых. Провёл перчаткой по деревянной шине, коснулся края трещины, заглянул в короб. Потом перевёл взгляд на Асю.

— Кто услышал второй тон?

Эрд указал на Лидию.

— Мастерка нашла повреждение.

— Я спросил, кто услышал.

Лидия молчала.

Ася сама подняла руку.

Офицер внимательно посмотрел на неё, щёлкнул пальцами возле правого уха, потом возле левого. Девушка не моргнула.

— Глухая, — сказал он. — Тем лучше. Голос не потрачен, а камень уже знает.

Март шагнул вперёд.

— Она не певчая.

— Теперь это решает полководец Варн.

Офицер снял с седла два жетона. Один бросил Эрду. Второй протянул Лидии. На бронзе были выбиты башня и раскрытый рот.

— Мастер и слышащая идут со мной. Обоз получит место у внешней стены до нового приказа.

— Нам обещали мастерской двор, — сказал Март.

— Вам обещал счёт. Я собираю нужное крепости.

За воротами ударила большая чаша. На этот раз её голос был чистым, единственным и таким сильным, что люди в очередях пригнулись.

Ася схватила Лидию за руку и прижала её ладонь к каменному столбу.

Под чистым ударом скрывался второй ритм. Не поломка. Множество слабых частых толчков, словно по ту сторону стены одновременно дрожали сотни натянутых нитей.

Лидия посмотрела на связки жетонов за седлом офицера и поняла, что слышит Ася.

Крепость уже собирала людей.

Глава 4. Цена чистой ноты

Офицера звали Ратис. Своё имя он сообщил так, словно выдавал приказ.

— Повозку собрать. Рог доставить на внутренний двор. Мастерку и слышащую — со мной.

— А обоз? — спросила Лидия.

— Ждёт решения.

— Решение уже было. Начальник счёта признал нас башенным обозом.

Эрд сделал вид, что занят дощечкой. Белая чаша над воротами погасла, и его семь бронзовых полос снова казались просто украшением.

— Счёт признаёт ремесло, — сказал Ратис. — Ворота открывает гарнизон.

Март подошёл ближе. Ася держалась рядом с ним, но смотрела только на Лидию. В её лице не было страха. Это беспокоило сильнее слёз. Девушка ещё не знала, что слова «нужна крепости» здесь означают не приглашение.

— Без неё я не пойду, — сказала Лидия, указывая на Асю. — Но и без обоза тоже.

— Пойдёшь.

— Тогда рог останется здесь. Его трещина раскрылась. Сдвинете без шины — получите две половины.

Ратис скользнул взглядом по стянутому корпусу. Он понимал достаточно, чтобы не проверять угрозу.

— Что тебе нужно?

— Провести людей за стену. Всех, кто пришёл с рогом.

— Просишь место в осаждённой крепости для ста шестидесяти трёх ртов.

— Вы только что сосчитали нас по колёсам. Значит, знали число, прежде чем обещали вход.

— Обещал не я.

Ратис говорил спокойно. Ни один мускул на лице не выдавал злости. Лидия знала этот вид спокойствия: так заказчик объяснял, что семейную скрипку можно ободрать и покрыть мебельным лаком, потому что вещь принадлежит ему. Спорить с ним доводами о красоте было бесполезно. Требовалось назвать ущерб.

— Рог ответил Келой только потому, что рядом были Ася и я. Уведите нас, и получите сломанный кусок бронзы. Оставьте людей снаружи — Март не даст разобрать повозку. Попробуете силой, треснувшее горло не переживёт драки.

Март молча положил ладонь на одну из деревянных шин.

Ратис посмотрел на солдат. Те ещё не окружили обоз полностью. Между повозками стояли люди с топорами, кольями, оглоблями. Оружием это можно было назвать лишь из вежливости, но разбить хрупкий механизм они успели бы.

— До заката обоз останется в четвёртом ряду, — решил офицер. — Получит два костра и воду. Если проверка подтвердит башенное ремесло, его переведут под стену.

— За стену.

— Под внутреннюю стену, если подтвердит. Сейчас крепость закрыта.

Лидия посмотрела на ворота. Через маленькую боковую створку проходили солдаты, телеги с камнем и несколько людей с жетонами. Крепость не была закрыта. Она выбирала.

— Какая проверка?

— Чистая нота перед полководцем.

Ярина шумно вдохнула.

Ратис услышал.

— Певчая есть. Тем лучше.

— Нет, — сказал Март.

— Есть, — ответила Ярина. — Но петь я не буду.

Ратис снял с седла третий жетон и подбросил на ладони.

— Тогда обоз не подтвердит ремесло.

Люди вокруг притихли. Те, кто минуту назад радовался признанию, теперь смотрели на Ярину. Никто не просил её согласиться, но ожидание давило не хуже приказа.

Лидия встала между ней и офицером.

— Рог умеет подавать знак мехом. Певец не нужен.

— Для дорожного знака. Башенный голос проверяют живым горлом.

— Почему?

— Потому что бронза знает разницу.

— Это не ответ.

— Другого тебе не требуется.

Ратис велел подать запасные колёса и ушёл к воротам. Эрд последовал за ним. Солдаты остались.

Собирая повозку, люди почти не разговаривали. Обещанные два костра зажгли по краям ряда, воду принесли в бочке, покрытой льдом. Это выглядело подарком лишь до тех пор, пока Лидия не заметила часовых. Обоз не пустили внутрь, но уже не позволяли уйти.

Ярина сидела под навесом и грела ладони над огнём. Шрам на её горле побелел.

— Что значит чистая нота? — спросила Лидия.

— Ноту держат, пока башня не примет.

— Сколько?

— Когда как.

— Минуту? Пять?

— Пока примет.

Лидия села рядом.

— Что ты потеряла в прошлый раз?

Ярина потёрла лоб, словно ответ находился под кожей.

— Не знаю.

— Ты говорила о памяти.

— Знаю, что потеряла. Не знаю что.

Она достала из-за пазухи узкую деревянную дощечку. На ней были вырезаны семь имён. Возле двух — крестики.

— Это мой отряд. Я помню, как звали каждого. Помню, кто храпел, кто воровал сушёные яблоки, кто боялся мышей. А лиц не помню. Ни одного. Гляжу на имена и знаю истории, будто мне их рассказали.

— После одного сигнала?

— После последнего. До него уходили мелочи. Вкус мёда. Песня матери. Дорога к дому. Мы думали: мелочи возвращаются.

— Вернулись?

Ярина покачала головой.

Ася присела с другой стороны и коснулась шрама. Ярина не отстранилась. Показала ей жестами: пела, боль, нет голоса. Потом добавила несколько быстрых движений, которых Лидия не поняла.

Март понял.

— Три дня не могла говорить. Потом голос вернулся.

— А память нет, — сказала Лидия.

Ярина убрала дощечку.

— Речь считают. Слух считают. Память — нет. Никто не знает, что у тебя было в голове.

Со стороны ворот донёлся удар чаши. Ася вздрогнула раньше остальных и прижала ладонь к земле.

— Что она чувствует? — спросила Ярина.

Март повторил вопрос. Ася показала четыре пальца, потом ещё два.

— Шесть, — сказал он.

— Шесть чего?

Девушка указала на ворота и провела ребром ладони по горлу.

Ярина закрыла глаза.

— Шесть певцов.

Лидия прислушалась. После основного удара в воздухе и правда оставался едва различимый гул. Шесть голосов сливались так тесно, что ухо принимало их за один. Ася различала каждый по дрожи камня.

— Значит, башня не требует одного человека, — сказала Лидия. — Нагрузку можно делить.

— Можно. Варн делил. В его отряде пели все.

— И что произошло?

— Они спасли область.

Ярина произнесла это без насмешки. Потом добавила:

— Почти никто не вернулся.

К закату рог снова стоял на колёсах. Лидия укрепила шину второй парой ремней и запретила вставлять пластину. Временный рычаг вынула и спрятала в карман. Пока деталь была у неё, никто не мог тайком запустить полный рисунок.

Ратис пришёл, когда небо над стеной стало фиолетовым.

— Полководец ждёт.

— Обоз остаётся здесь? — спросила Лидия.

— До проверки.

Март запряг лошадь. Ася села рядом с коробом. Ярина не двигалась.

— Певчая идёт, — сказал Ратис.

— Я отказалась.

— Тогда возьмём другого.

Он указал на людей у костра. Среди них было несколько мужчин и женщин, способных держать ноту хотя бы по виду: широкая грудь, сильная шея. Солдаты уже выбирали глазами.

Ярина поднялась.

— Я пойду. Петь не обещаю.

— У башни обещают не словами.

Через боковые ворота повозку провели на первый двор. Внутри было теснее, чем снаружи. Вдоль стен стояли бочки и телеги с камнем, под навесами лежали раненые. В воздухе висел металлический запах, как в мастерской после шлифовки бронзы. Над крышами поднималась внутренняя стена, а за ней — семь башенных венцов. Лидия насчитала только пять. Два скрывались в дыму.

Люди расступались перед Ратисом. На Асю смотрели с любопытством, на Ярину — с пониманием, от которого та сутулилась ещё сильнее.

Их привели к круглой площадке под внешней башней. В середине стояла каменная чаша глубиной по колено. От неё по земле расходились бронзовые полосы. Некоторые уходили к воротам, другие — под стену, третьи обрывались у деревянных клетей. Над чашей висел небольшой колокол без языка.

Возле него ждал Варн.

Лидия поняла, кто перед ней, раньше, чем Ратис назвал имя. Не из-за одежды: полководец носил простой тёмный кафтан и старые сапоги. Не из-за охраны: рядом стояли всего двое.

Люди на дворе двигались так, чтобы всегда оставлять ему свободную дорогу. Даже раненые убирали ноги с прохода.

Варн был старше Лидии, седой на висках, с обветренным лицом. Левая рука плохо сгибалась, и перчатку на ней разрезали у запястья. Он посмотрел на рог, на шину, на раскрытый короб.

— Кто это сделал?

— Я, — сказала Лидия. — А трещину нашла Ася.

— Которая?

Ася подняла руку, не ожидая указания.

Варн подошёл к ней. Не щёлкал пальцами и не проверял слух. Вместо этого ударил каблуком по бронзовой полосе. Ася посмотрела вниз, потом показала на дальнюю башню.

— Хорошо, — сказал он.

Март встал рядом с дочерью.

— Она не ваша.

— Здесь никто не мой. Здесь все принадлежат крепости, пока за стеной стоит враг.

— А крепость кому принадлежит?

Варн посмотрел на него без раздражения.

— Тому, кто удержит её до весны.

Лидия открыла короб.

— Рог нельзя запускать полным звуком. Внутренняя трещина огибает шов. Нужны разборка, очистка и накладка.

— Келая ответила ему.

— Из-за повреждения. Второй тон — стук краёв трещины, а не правильный голос.

— Девять лет башня не отвечала ни одному целому рогу. Ответила сломанному.

— Это не значит, что поломка полезна.

— На войне полезно то, что работает.

Он произнёс фразу без нажима, как давно решённую истину.

— Работающая вещь выдерживает повтор, — сказала Лидия. — Эта не выдержит.

— Поэтому проверим один раз.

Ратис подал знак. Солдаты подвели к каменной чаше молодого мужчину в серой рубахе. Лидия видела его у обоза: он правил повозкой с ранеными и вечером раздувал второй костёр. Его звали Тир, вспомнила она. Он пел детям, когда те боялись преследователей.

— Почему он? — спросила Лидия.

— Держит нижнюю ступень, — ответил Варн.

— Он согласился?

Тир смотрел на ворота. За ними оставались жена и двое сыновей.

— Если спою, обоз войдёт? — спросил он.

Варн не ответил сразу.

— Если башня признает голос, обоз получит башенную службу.

— Это не то же самое, — сказала Лидия.

Тир повернулся к ней.

— А если не спою, нас разберут. Жену на кухню, меня на стену. Мальчишек не знаю куда.

— Ты знаешь цену?

— Голос вернётся.

Ярина опустила голову.

— Вам сказали, что вернётся? — спросила Лидия у Варна.

— Обычно возвращается.

— А слух? Память?

— Нужная крепости нота ниже слухового порога повреждений.

— Кто это измерил?

Варн показал на семь насечек по краю чаши.

— Каждый голос ставят на свою меру.

Лидия присела. Насечки были разной длины. Рядом с ними темнели пятна от пальцев. Никаких обозначений времени, силы или числа певцов она не увидела.

— Это ступени высоты. Они не показывают, сколько человек потеряет.

— Показывают настройщику.

— Где настройщик?

Молчание длилось всего миг, но ответ она получила.

— На северной башне, — сказал Варн. — Вернётся через три дня.

— Значит, вы не знаете цену.

— Знаю цену закрытых ворот. Сегодня у восточной стены погибли двадцать семь. Завтра будет больше.

— И поэтому можно рисковать Тиром?

— Поэтому он рискует не впустую.

Тир вошёл в чашу. Бронзовые полосы под его сапогами дрогнули. Ярина подошла к краю и показала, как поставить ноги, как держать плечи. Он повторил.

— Не тяни горлом, — сказала она. — Дай воздуху идти. Если кольнёт за ушами — сразу замолчи.

— А если не примет?

— Замолчи всё равно.

Варн кивнул Ратису. Тот вставил в короб другую пластину — узкую, с одним длинным рядом выемок.

Лидия выхватила её прежде, чем она вошла в щель.

— Рычажка нет.

— Поставишь, — сказал Варн.

— После того как осмотрю чашу и колокол.

— Время.

— Три минуты сейчас или три дня без рога потом.

Он уступил.

Лидия обошла чашу. Бронзовые полосы крепились к камню скобами. Одна скоба возле места Тира разболталась. Под колоколом висели семь тонких цепочек, соединённых с полосами. Когда певец давал ноту, каменная чаша собирала её, а колокол передавал в дорогу. Обозный рог должен был добавить ответ Келой.

— Это не проверка рога, — сказала Лидия. — Вы хотите связать человека, крепость и Келую.

— Хочу узнать, открывает ли старая башня северную дорогу.

— На дороге могут быть люди.

— Наш отряд.

— Вы уверены?

— Нет. Поэтому открываем.

Лидия посмотрела на Тира. Он стоял в чаше, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Я могу отказаться ставить рычаг.

— Можешь. Ратис возьмёт кузнеца. Тот поставит железный.

И рог расколется. Возможно, Тир всё равно запоёт. Варн оставлял выбор, в котором каждый путь вёл к его цели, а ответственность за худший результат доставалась отказавшемуся.

Лидия вынула медный рычажок из кармана.

— Один звук. Слабее, чем у ворот. Ася останавливает.

— Останавливаю я, — сказал Варн.

— Тогда чините сами.

Их взгляды встретились. Полководец первым посмотрел на Асю.

— Она остановит рог. Я остановлю певца.

Этого было мало, но больше сейчас Лидия не могла выторговать.

Она поставила рычаг. Проверила ремни. Добавила в раструб сухую шерсть: мокрая замёрзла и стала слишком жёсткой. Ася заняла место у бронзовой полосы, положив обе ладони на металл. Ярина осталась рядом с Тиром.

— Дай ноту, которую удобно держать, — велела она. — Не тянись за колоколом. Пусть он тянется за тобой.

Тир набрал воздух и запел.

Сначала это был обычный человеческий голос, невысокий и немного хриплый. Затем чаша подхватила его. Камень вернул ноту снизу, бронзовые полосы понесли к стенам. Колокол без языка закачался.

Лидия почувствовала давление в ушах.

Ратис провернул вал рукой. Обозный рог ответил тихо. Деревянные шины затрещали, но удержали корпус.

Ася смотрела на полосы. Её пальцы двигались, считая отдельные волны.

Тир пел.

Над двором отзывалась внешняя башня. Потом вторая, дальняя. Звук рос не по громкости — он будто занимал всё больше места. Лидия уже не могла определить, где находится его источник. В камне, бронзе, рёбрах.

Тир покраснел. Ярина показала ему опустить плечи.

— Хватит, — сказала Лидия.

Варн поднял ладонь: ждать.

С севера пришёл голос Келой. Два тона легли поверх ноты Тиры. На этот раз второй не спорил с первым, а ввинчивался в него.

Ася сжала кулак.

— Стой! — крикнула Лидия.

Ратис отпустил вал. Рог умолк. Но Тир продолжал петь. Варн всё ещё держал ладонь поднятой.

— Рог остановлен! — крикнула Ярина. — Снимай певца!

На бронзовой полосе под Асиной рукой проступил иней. Девушка отдернула ладонь и показала три пальца, потом сжала их у горла.

Лидия шагнула к чаше.

Солдат преградил путь копьём.

Тир качнулся. Его нота стала чище. Хрип исчез, дыхание выровнялось. Именно это испугало Лидию: человек на пределе не должен звучать легче.

— Башня держит его вместо него самого, — сказала Ярина. — Варн!

Полководец опустил ладонь.

— Довольно.

Тир закрыл рот.

Нота не прекратилась. Ещё несколько мгновений она шла из чаши, пустая и безупречная. Потом колокол остановился.

Тир согнулся, схватившись за горло. Ярина спрыгнула к нему. Он пытался кашлянуть, но воздуха не было слышно. Только сип.

— Дышит, — сказала Ярина. — Тихо. Не заставляйте говорить.

Тир поднял голову. На лице был один вопрос.

— Обоз, — выдохнул он без звука.

Варн повернулся к Ратису.

— Северная дорога открылась?

Офицер приложил ладонь к полосе и покачал головой.

— Ответ ушёл, возврата нет.

— Повторить.

— Нет, — сказала Лидия.

Варн будто не услышал.

— Сменить певца. Рог настроить на полный голос Келой.

— Нет.

Теперь он посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что человек потерял голос, а вы даже не открыли дорогу. Мы не знаем, на какой срок. Не знаем, что ещё он потерял. Не знаем, почему возврата не было. И трещина стала шире.

Она показала на шов. Под нижней планкой выступила свежая зелёная пыль. Края бронзы тёрлись друг о друга.

— Усилим шину.

— Дело не только в шине. Второй голос Келой изменился, когда вошёл в ноту Тира. Башня взяла звук, но не вернула дорогу. Возможно, там разрушен выход. Возможно, вы пытаетесь открыть то, чего уже нет.

— Отряд на северной дороге ещё утром подал знак.

— Тогда почему они не отвечают сейчас?

Варн сжал негнущуюся левую руку правой. Впервые спокойствие дало трещину.

— Потому что между ними и нами враг.

— Или потому что ваша дорога ломается. Я не буду повторять, пока не увижу башню.

— Ты не решаешь.

— Рычаг мой. Шина моя. Знание моё. Ася слышит момент опасности. Ярина знает цену. Тир её платит. Что в этом опыте ваше, кроме приказа?

На дворе стало тихо. Даже солдаты смотрели в сторону.

Варн подошёл близко. Он был выше Лидии, но не пытался нависнуть. Говорил негромко:

— Моё — люди на северной дороге. Сто восемьдесят человек. Моё — стена, за которой ещё живы тысячи. Моё — решение, кого послать и кого не успеть спасти. Ты слышишь сло-манную бронзу и думаешь, что это вся задача.

— А вы слышите число и не замечаете одного человека.

— Замечаю. Поэтому остановил.

— После сигнала Аси.

— После того, как башня приняла ноту.

Он не отводил взгляда. Лидия поняла: Варн не лгал себе, будто цены нет. Он видел Тира, знал о голосе Ярины и всё равно считал решение верным. От этого спор становился труднее.

В чаше Тир пытался встать. Ярина поддержала его. Он открыл рот, но не произнёс ни звука.

— На сколько? — спросил Март.

Ярина приложила пальцы к шее Тира, затем к вискам.

— Если только голос — дня на три. Может, меньше. Память проверим.

Она показала ему три пальца. Тир понял. Закрыв глаза, потом указал на ворота.

— Обоз не войдёт сегодня, — сказал Ратис.

Март рванулся к нему.

— Вы обещали!

— Проверка не открыла дорогу. Башенное ремесло подтверждено, но мест во внутреннем дворе нет. Людей переведут под стену.

Тир услышал. Его лицо изменилось. Он бросился к Ратису, но ноги не держали. Ярина поймала его.

Лидия повернулась к Варну.

— Вот ваша цена. Он заплатил за условие, которое вы изменили после оплаты.

— Я условия не менял.

— Вы позволили ему поверить.

— Если бы северная дорога открылась, обоз вошёл бы с отрядом снабжения.

— А если нет — он теряет голос бесплатно?

— Ничто из сделанного для крепости не бесплатно.

— Тогда чем вы ему заплатите?

Варн позвал лекаря. Приказал дать Тиру тёплое помещение, пай на семью и место за внешней стеной. Не внутри крепости — в узком защищённом пространстве между валами, куда ночью били стрелы. Но всё же не в открытом поле.

— Всеми обозу, — сказала Лидия.

— Семье певца.

— Он пел ради всех.

Варн посмотрел на Тира. Тот, дрожа, показал рукой круг: весь обоз.

— Всем, — беззвучно повторили его губы.

— Всеми обозу, — согласился Варн. — До утра. Потом трудовая проверка.

Март хотел спорить дальше, но Лидия остановила его. Тир получил не то, что ему обещали, однако люди хотя бы переживут ночь за валом.

— А вы, — сказал Варн Лидии, — утром едете к Келой.

— С обозом?

— С передовым отрядом.

— Я не ваш солдат.

— Мне не нужен ещё один солдат. Мне нужен мастер, который отличает поломку от голоса.

— Ася остаётся с отцом.

— Она слышит камень.

— Поэтому остаётся. Вы уже показали, как используете тех, кто вам полезен.

Варн перевёл взгляд на девушку. Ася стояла у полосы и растирала покрасневшую ладонь. Потом посмотрел на Тира.

— Хорошо. Слышашая останется. Ты возьмёшь рог и починишь Келую.

— Сначала я узнаю, что башни берут у людей и почему.

— Узнаешь на месте.

— И никто не подаст второй сигнал без моего согласия.

— Ты много требуешь для пленницы без имени и рода.

— Вы много требуете для человека с одним приказом.

Ратис резко вдохнул. Март усмехнулся. Варн долго смотрел на Лидию, затем кивнул:

— Без твоего согласия рог не запустят. Но если враг доберётся до башни раньше нас, решать буду я.

Это не было соглашением. Только отсрочкой спора.

Тира вынесли из чаши на плаще. Ярина шла рядом и заставляла его показывать пальцами имена сыновей, цвет домашней двери, число лошадей в обозе. Он отвечал правильно. На вопрос о песне, которую пел детям, долго смотрел непонимающе. Потом покачал головой.

— Не помнит? — спросила Лидия.

— Может, устал.

Ярина сказала это слишком быстро.

Ася подошла к Тиру и постучала ладонью по деревянной ручке носилок: простой ритм, четыре удара. Он улыбнулся и повторил пальцами. Песню, возможно, забрала башня. Ритм остался.

Ворота открыли для обоза уже в темноте. Не главную створку, а узкий проход между валами. Повозки втягивались по одной. Люди благодарили Тира, но он отворачивался: чужая благодарность не возвращала голос.

Март обнял Асю, потом подошёл к Лидии.

— Ты не обязана ехать.

— Если не поеду, Варн пошлёт кузнеца и певцов. Рог развалится, люди заплатят, а он решит, что просто мало заплатили.

— Он тебя не отпустит после башни.

— Значит, придётся стать слишком полезной, чтобы меня заставляли молчать.

Март покачал головой.

— Полезных здесь берегут хуже остальных. Их тратят медленнее.

Он дал ей короткий нож, моток проволоки и ту самую пустую кружку. Монеты больше не было: она блестела рычагом внутри рога.

Ася сняла с шеи шнурок с плоским речным камнем. На камне были выцарапаны две расходящиеся линии — почти такие же, как отметки вокруг трещины. Она вложила его Лидии в ладонь, затем прижала пальцы к земле и указала на север.

— Что она говорит?

— Камень один и там, и здесь, — перевёл Март. — Если ударишь, она услышит.

— На таком расстоянии?

Он пожал плечами.

Ася улыбнулась. Она не обещала невозможного. Просто оставляла способ помнить, что дорога соединяет в обе стороны.

На рассвете передовой отряд выстроился у северных ворот. Двадцать всадников, две повозки с инструментами, одна с водой и сигнальный рог. Тир спал за валом рядом с семьёй. Голос к нему не вернулся.

Варн приехал без свиты. Ратис подал Лидии бронзовый жетон с башней и раскрытым ртом.

Она не взяла.

— Это знак мастера, — сказал он.

— На нём рот, а не руки.

— Других не делают.

Лидия перевернула жетон. На обратной стороне были три мелкие насечки, будто прежний владелец считал дни.

— Чей он был?

Ратис промолчал.

Варн ответил:

— Человека, который не успел починить Келую.

— Что с ним стало?

— Узнаешь у башни.

Северные ворота раскрылись. За ними лежала дорога, по которой ночью не вернулся отряд. Снег на ней был гладким, но Ася, оставшаяся у стены, вдруг опустилась на колени и приложила ладони к камню.

Она подняла голову и показала Лидии один палец.

Потом второй.

Два тона.

Лидия сжала речной камень в кармане и взяла жетон.

Глава 5. Башня без языка

Северная дорога начиналась ровно и уверенно, будто не знала, что впереди идёт война. Каменные плиты лежали под снегом сплошной полосой; на их стыках белели тонкие гребни. Колёса сигнальной повозки постукивали через одинаковые промежутки, и Лидия считала удары, пока не поняла, что между каждым четвёртым и пятым проходит ещё один — слишком глухой для обода, слишком ровный для копыт.

Она подняла руку.

— Стойте.

Ратис оглянулся с седла.

— Что теперь?

— Пусть замолчат колёса.

— Они не умеют.

— Тогда остановите повозки.

Варн ехал впереди и мог не услышать, но остановился первым. Команда прошла по отряду. Лошади переступили, звякнули удила, потом степь сделалась тихой. Ветер тянул по снегу сухую крупу.

Лидия присела возле дороги и приложила к плите речной камень Аси. Ударил по нему рукоятью ножа. Звук ушёл вниз. Спустя миг из-под ладони вернулась слабая дрожь.

Один толчок. Пауза. Второй, ниже.

— Дорога отвечает, — сказала она.

— Дороги здесь для того и положены, — отозвался Варн. — Передают голос башни.

— Голос передают после сигнала. Сейчас никто не поёт.

Ратис спешил и коснулся плиты двумя пальцами. Ничего не почувствовал.

— Это телеги.

— Телеги стоят.

Лидия ударила снова. На этот раз нижний отклик пришёл раньше. Будто где-то впереди тяжёлый механизм повернулся ещё на один зуб.

Она вспомнила Асю у ворот: один палец, второй. Девушка слышала не два отголоска Келой. Она слышала два движения, одно из которых продолжалось без людей.

— В башне что-то работает само, — сказала Лидия. — Если ваши сто восемьдесят человек вошли туда, они могли запустить привод и не суметь остановить.

— Башни не работают без голоса, — сказал Ратис.

— Рог тоже не должен был отвечать двумя тонами.

Варн посмотрел на пустую дорогу. За пологим подъёмом она пропадала между чёрными холмами. Следов отступившего отряда не было видно: ночной снег затянул всё.

— Дальше без колёсного шума, — приказал он. — Рог оставить здесь под охраной. Инструменты перегрузить на лошадей.

— В роге мой рычаг, — напомнила Лидия.

— Поэтому охранять будут четверо.

Она вынула рычаг сама. Медная монета Аси была зажата в расщепе дерева и блестела узким краем. Без неё вал не мог ударить по нужному язычку. Лидия завернула деталь в шерсть и сунула за пазуху.

— Теперь хватит двоих.

Ратис помрачнел, но Варн коротко усмехнулся.

Дальше шли пешком. Варн оставил коней, хотя его левая рука плохо держала повод. Это было разумно и всё равно удивило Лидию. Она ожидала, что человек, привыкший распоря-

жаться чужим риском, найдёт способ ехать там, где другие идут. Вместо этого полководец нёс собственный плащ, свёрнутый через плечо, и первым проверял тёмные пятна на снегу.

Первого мёртвого нашли за подъёмом. Солдат лежал лицом вниз у края дороги. Стрелы в нём не было, крови тоже. Ратис перевернул тело. На лице застыло выражение сильного усилия, рот был открыт.

Варн опустил рядом и приложил пальцы к шее, хотя холод уже сделал проверку ненужной.

— Далем, — произнёс он.

Не «солдат». Имя.

— Он пел? — спросила Лидия.

Ратис показал на чёрную ссадину под подбородком. Такие следы оставались у Ярины возле шрама, только старые и побелевшие.

— Певчий ремень, — сказал он. — Держит шею, когда голос уходит выше меры.

— Ремень заставляет человека продолжать?

— Не даёт ему сорвать связи.

Лидия не стала спорить о словах. У Далема лопнули сосуды в глазах. Никакой ремень его не спас.

Дальше тела лежали через каждые двадцать или тридцать шагов. Трое певцов, двое солдат без следов ран, мальчишка с сумкой сигнальщика. Остальных не было. На снегу темнела широкая борозда: кого-то тащили к башне или от неё, пока метель не скрыла направление.

У мальчишки Лидия увидела в руке деревянную планку с семью прорезями. Она осторожно разжала пальцы. На одной стороне были выжжены башенные знаки, на другой ногтем процарапано: «вода».

— Он пытался подать водяной знак? — спросила она.

Ратис взял планку, нахмурился.

— Водяные знаки не подают зимой. Каналы закрыты.

— Значит, зачем-то подал.

— Или схватил первое, что было.

Варн забрал планку и вернул Лидии.

— Узнаешь в башне.

Келая появилась за следующим холмом. Издали она напоминала обгоревший палец, торчащий из белой земли. Круглая нижняя часть была сложена из серого камня, верх обшит потемневшими бронзовыми листами. Венец накренился на север. Вокруг башни стояли низкие хозяйственные строения, часть крыш провалилась. Ни дыма, ни людей.

Лидия ждала засады. Солдаты тоже. Они разошлись цепью, проверили сараи, заглянули в колодец, обошли башню. В одном дворе нашли ещё двух мёртвых и пятна крови, ведущие к восточному склону. Живые ушли туда — сами или под конвоем.

— Враг забрал их, — сказал Ратис.

— Почему не разрушил башню? — спросила Лидия.

— Может, не успел.

Она положила ладонь на стену. Камень дрожал. Слабее, чем дорога у ворот, но непрерывно.

— Успел запустить.

Дверь оказалась заперта изнутри. Солдаты принесли таран, однако Лидия остановила их. В дереве шла длинная трещина, возле верхней петли осыпалась каменная крошка.

— Ударите — свод может сесть. И то, что крутится внутри, мы уже не остановим.

— Предлагаешь стучать вежливо? — спросил Ратис.

Лидия осмотрела замок. Большой железный язычок входил в скобу, приклёпанную изнутри. Между створкой и косяком оставалась щель. Она попросила тонкую полосу стали. Один солдат вынул из ножен сломанную пружину арбалета.

— Выпрями.

— Она калёная.

— Тогда сломается. Поищите обруч от ведра.

Нашли в сарае ржавую полосу. Лидия обернула конец тряпкой, просунула в щель и нащупала скобу. Руки замёрзли, металл скользил. С третьей попытки полоса легла под язычок. Ратис молча прижал дверь плечом, снимая вес. Лидия подняла засов.

Изнутри пахло сыростью, бронзовой пылью и гнилым деревом.

Никто не вошёл сразу.

В глубине башни что-то билось. Не громко — тяжело. Так в мастерской мог стучать плохо закреплённый вал станка, только здесь между ударами проходило несколько вдохов. После каждого по стенам пробегала дрожь.

— Факелы, — приказал Варн.

— Один, — сказала Лидия. — Если внутри пыль, от огня может стать хуже.

Ратис хотел возразить, но полководец кивнул. Зажгли одну закрытую лампу. Лидия вошла первой не из храбрости: остальные не знали, куда смотреть.

Внутреннее помещение занимало всю ширину башни. По стенам тянулись бронзовые полосы, сходящиеся у каменной чаши. Над чашей висел колокол размером с телегу. Точнее, должен был висеть колокол: от пола поднимались две опоры, между ними чернел пустой обод. Сам резонатор уходил вверх в темноту и соединялся с бронзовым венцом башни.

Под ним качалась толстая тяга.

Раз. Она ударяла в край пустого обода.

Два. Где-то под полом отвечало колесо.

Три. Стены принимали дрожь и отправляли её в дорогу.

Лидия подняла лампу. На конце тяги была развилка с обломанным штифтом. Между её лапами ничего не висело.

— Здесь был язык, — сказала она.

— Его сняли девять лет назад, — ответил Варн. — После северного прорыва Келая замолчала.

— Вы знали?

— Знал, что язык утрачен. Не знал, что привод движется.

— Башня без языка, а вы послали к ней певцов.

— Башня ответила рогу. Значит, в ней оставался голос.

Лидия подошла ближе. На полу под тягой лежала свежая бронзовая стружка. Не девятилетняя: края блестели. Кто-то недавно пытался вставить между лапами тонкую пластину. Она соскользнула и застряла в щели обода. Каждый удар сгибал её сильнее.

— Ваш отряд сделал новый язык.

Ратис наклонился к стружке.

— Из чего?

— Из сигнальной пластины или щита. Слишком тонко. Она не звучала, а скребла.

Лидия повела лампой по полу. Возле чаши валялись обрывки ремней, пустые бурдюки, деревянные клинья. На бронзовых полосах остались отпечатки босых ног. Певцы стояли здесь. Семеро, может, больше. У дальней стены темнел след, будто люди упирались плечами в камень.

— Они пытались удержать привод, — сказала она.

— Почему он не остановился после голоса? — спросил Варн.

— Спросите у того, кто его построил.

— Он умер.

— Тогда дайте мне время.

Слово «время» в осаждённом княжестве никому не нравилось. Ратис вышел выставить караулы. Варн остался. Он не торопил вслух, но его присутствие было громче приказа.

Лидия обошла чашу. Семь бронзовых полос входили в неё на разной высоте. На краях имелись те же насечки, что во дворе Ренвы, однако здесь под ними сохранились небольшие рисунки: капля, мост, дорога, раскрытая ладонь, копьё, круг и перечёркнутый круг. Военная ступень была отмечена копьём. Тонкая самодельная пластина застряла именно напротив неё.

— Они выбрали военный зов, — сказала Лидия.

— Отряд увидел врага.

— И попытался включить башню без языка. Певцы дали ей силу, привод пошёл, пластина смялась. Сигнал не вышел, но механизм не получил знака остановки.

— Можно поставить новый язык?

Лидия посмотрела на пустую развилку. Настоящая деталь была бронзовой — об этом говорили зелёные следы у штифта. Длина могла быть с её руку, масса — как у небольшого молота. Неправильный сплав расколол бы обод. Неправильный вес изменил бы высоту. У них не было ни формы, ни печи, ни времени на отливку.

— Постоянный — нет.

— Временный.

— Чтобы подать копьё? Тоже нет.

— Ты ещё не осмотрела всё.

— Для военного зова нужна деталь, которая выдержит полный размах. Дерево размочалит, железо может разбить бронзу. Я не стану проверять людьми.

Варн провёл пальцем по знаку копья.

— Где мой отряд?

— Те, кто ушёл, оставили кровь на восточной стороне.

— За восточным склоном неприятельский лагерь. Если пленные ещё живы, один зов даст гарнизону путь к ним.

— А если зов обрушит башню, вы потеряете и людей, и дорогу.

— Поэтому ты здесь.

Лидия сдержала резкий ответ. Она снова посмотрела на рисунки. Рядом с каплей бронза была истёрта сильнее, чем возле остальных знаков. Водой пользовались часто. Для неё не требовался удар такой силы, как для военного зова. Возможно, башня имела несколько режимов не только по высоте, но и по размаху тяги.

Под чашей был люк. Крышку придавило валом, но двое солдат сдвинули её крюками. Из темноты потянуло водой.

Лидия спустилась по скобам. Внизу оказалось тесное помещение с большим деревянным колесом. Его нижняя часть стояла в потоке. Вода шла по каменному желобу и вращала лопасти. Вал поднимался к тяге. Возле желоба имелись семь заслонок; шесть были закрыты, одна — военная — застряла на ширину ладони.

Вот что двигало башню без голоса. Голос не был силой. Он выбирал путь для уже текущей воды.

— Перекройте желоб, — крикнул Ратис сверху.

— Нельзя сразу!

Лидия осветила ось. Дерево разбухло, железные обручи местами отошли. Резкая остановка могла сорвать лопасть. Тогда вода затопила бы подвал и, возможно, подмыла основание башни.

Она поднялась, нашла среди инструментов молоток, стамеску и банку животного клея, замёрзшего в камень. Клей сейчас был бесполезен. Нужна была деталь, которая выдержит несколько мягких касаний, выберет другую заслонку и позволит воде уйти из привода.

— В сарае были тележные спицы, — сказала Лидия. — Принесите три. Ищите вяз или ясень, прямые, без сучков. Ещё нужен котёл с горячей водой, ремень и тонкая пила.

— Ты сказала, дерево размочалит, — напомнил Варн.

— На военном размахе. Для водяного знака тяга идёт короче. Если я права.

— А если нет?

— Тогда дерево сломается раньше бронзы. Но людей в чаше не будет.

— Без голоса башня не выберет знак.

Лидия показала ему планку мёртвого сигнальщика.

— Он написал «вода». Перед смертью пытался не позвать крепость, а остановить привод. Значит, водяной знак можно подать малой силой. Возможно, одним ударом.

Варн перевёл взгляд на чашу.

— Певец всё равно нужен для выбора.

— Проверим сначала без него.

— Камень не слышит намерений.

— Зато механизм слышит размер детали.

Это было предположение. Лидия не стала придавать ему вид уверенности. Она видела следы износа: возле каждого знака на ободке имелся паз своей глубины. Язык мог не только звучать, но и толкать выступ, связанный с заслонкой. Башня соединяла механику со звуком так тесно, что местные перестали разделять их. Но разделение оставалось возможным.

Спицы принесли быстро. Две были сосновыми и сразу не годились. Третья — из плотного тёмного дерева, влажного у сердцевины. Лидия постучала по ней ногтем. Звук получился коротким, без внутреннего дребезга.

— Что за дерево?

Один из солдат пожал плечами.

— Старая ступица. Может, вяз.

Лидия отпилила кусок, чуть длиннее своей ладони. Сняла лишнее стамеской, оставив толстую пятку и узкий закруглённый конец. Работала медленно. Вокруг стояли вооружённые люди, за холмом могли появиться враги, под полом билось колесо, а ей требовалось делать то же, что в мастерской: смотреть на волокна и не спешить там, где один неверный срез уже не вернёшь.

Горячая вода размягчила край. Лидия слегка согнула его по форме обода и обмотала пятку мокрым ремнём. Медную вставку из рога использовать не стала. Монета Аси принадлежала другому механизму и была слишком тонкой.

Варн наблюдал, как она примеряет деревянный язык к развилке.

— Сколько продержится?

— Для одного знака — надеюсь, достаточно.

— А потом?

— Потом нужен настоящий язык и человек, знающий местный сплав.

— В крепости есть кузнецы.

— Кузнец работает с железом. Здесь нужен литейщик, который знает, сколько в бронзе меди, олова и того, что вы добавляете для башен.

— Серебряный песок.

— Вот видите. Я даже не знаю, что это.

— Значит, узнаешь.

Лидия не ответила. Варн всё говорил так, будто будущее уже принадлежало его приказам.

Деревянный язык вошёл между лапами. Она закрепила его штифтом из ручки напильника и велела всем отойти от чаши. Солдатам — за опоры. Варну — к двери.

— Я останусь здесь.

— Тогда стойте там, куда не долетит обломок.

— Ты остаёшься ближе.

— Я должна увидеть первый ход.

Варн занял место за каменной опорой. Спорить ради вида он не стал.

Лидия спустилась к колесу. Заслонка со знаком копыя дрожала в пазу. Рядом находилась водяная, более широкая и лёгкая. Между ними шёл рычаг с зубцами. Если деревянный язык толкнёт верхний выступ, зубчатая планка должна перескочить с копыя на каплю.

Она обвязала военную заслонку верёвкой и вывела конец наверх.

— Тяните по моему слову. Плавно. Если скажу бросить — бросайте.

Ратис взял верёвку вместе с двумя солдатами.

— А голос? — спросил он.

— Не будет голоса.

— Тогда как заставить язык ударить?

Лидия показала на колесо.

— Оно уже заставляет.

Она вынула клин, которым отряд пытался удержать тягу. Колесо пошло свободнее. Сверху раздался сухой деревянный стук. Новый язык коснулся обода — не зазвенел, а глухо постучал, как пальцы по двери.

Зубчатая планка дрогнула.

— Тяните!

Верёвка натянулась. Военная заслонка пошла вниз на толщину пальца. Водяная поднялась. Поток ударил в соседний желоб.

Колесо ускорилося.

— Бросайте!

Солдаты отпустили. Лидия прижалась к стене. Второй удар деревянного языка оказался сильнее. Сверху хрустнуло. В подвал посыпались щепки.

Зубчатая планка перескочила на один паз, но не дошла до капли. Между знаками оставалась половина хода.

Третий удар мог сломать язык. Если обломок застрянет, тяга снова начнёт бить в военную ступень.

Лидия схватила водяную заслонку обеими руками. Та не двигалась: поток прижал её к направляющим. Тогда она сунула рукоять молотка в отверстие рычага и навалилась плечом. Вверху хлопнуло. Деревянный язык раскололся вдоль волокон, но его загнутый конец ещё держался на ремне.

— Ещё раз! — крикнул Варн.

— Не голосом!

— Я и не собирался.

Он спустился в подвал, встал рядом и взялся за рукоять. Левая рука почти не сгибалась, поэтому он упёрся предплечьем. Лидия хотела прогнать его: теснота, скользкий пол, вода у сапог. Но рычаг требовал силы.

— На счёт три, — сказала она. — Не раньше. Раз. Два. Три.

Они нажали вместе. Наверху деревянный язык ударил в последний раз и разлетелся. Кусок стукнул о крышку люка. Зубчатая планка перескочила.

Водяная заслонка поднялась.

Поток рванул в новый желоб так, что Лидию обдало до колен. Колесо сделало ещё половину оборота и остановилось. Тишина пришла не сразу. Дрожь уходила из камня слоями: сперва исчез тяжёлый удар, потом слабое биение дороги, потом тонкий зуд в ладонях.

Из глубины подвала донёсся другой звук — бегущая вода.

— Получилось? — спросил Ратис сверху.

Лидия не ответила. Она смотрела на Варна. Полководец тяжело дышал, вода стекала с рукава. На его лице не было торжества.

— Ты выбрала другой приказ без певца, — сказал он.

— Я выбрала заслонку.

— Для башни это одно и то же.

— Нет. Приказ требует того, кто приказывает, и того, кто платит. Здесь сработала вода, дерево и двое людей на рычаге.

— Двое людей всё-таки понадобились.

— Но ни один не потерял голос.

Наверху кто-то закричал. Ратис метнулся к двери. Варн полез следом. Лидия выбралась последней, ожидая увидеть неприятеля.

Солдаты стояли у восточной бойницы. За башней, в низине, где прежде лежал снег, появилась тёмная полоса. По каменному руслу бежала вода. Она наполняла длинный закрытый ров и уходила на юг, к дороге.

— Канал открыт, — сказал один из солдат.

— Зимой он должен быть пуст, — пробормотал Ратис.

Вода была мутной, но живой. Она шла не к крепости напрямую. У развилки часть потока поворачивала к остаткам деревни, другая — в сторону Ренвы. Возле башни стоял каменный столб с тремя затворами. Один заклинило льдом.

Лидия подошла и прочистила щель железной полосой. Поток в сторону крепости усилился.

Варн смотрел на воду так, словно перед ним двигалось войско.

— За внешним валом пустые цистерны, — сказал Ратис. — Обозу выдавали по кружке.

— Через сколько вода дойдёт? — спросил Варн.

Лидия оценила уклон. Русло было очищено не полностью, местами лёд задерживал поток.

— Если канал цел, до ночи. Если есть завал — позже.

— Людей пошлём вдоль русла. Очистят.

Варн уже раздавал команды. Десять солдат оставались у Келой. Четверо шли по каналу к крепости. Двое должны были разыскать след пленных. Остальные возвращались за рогом и телегами.

— Рог сюда не нужен, — сказала Лидия.

— Для военного зова нужен.

— У нас нет языка.

— Ты сделала один.

— Для мягкого удара. Он прожил три касания.

— Значит, сделаешь крепче.

— Из дерева — нет. Не для копья.

— Тогда из бронзы.

— Я уже сказала: нужен местный сплав и форма. И прежде чем запускать военный зов, надо понять, почему отряд исчез. Может, враг именно этого и ждёт.

Варн подошёл к пустому ободу и поднял расколотую половину деревянного языка. На ней осталась зелёная полоса от бронзы.

— Ты видишь семь знаков, — произнёс он. — Другие мастера видели только один. Они говорили, что башня либо служит, либо молчит.

— Другие мастера мертвы?

— Некоторые.

— А некоторые поняли, что молчание безопаснее службы.

— Возможно.

Впервые он допустил, что чужой отказ мог быть не трусостью и не поломкой.

С восточного склона вернулся разведчик. Следы пленных спускались к неприятельскому лагерю. Их было не меньше пятидесяти; остальных, вероятно, убили или рассеяли. До темноты освободить их было невозможно.

Варн выслушал и приказал не преследовать. Решение далось ему труднее, чем работа у рычага. Лидия заметила, как он сжал негнущуюся кисть.

— Сегодня мы вернём воду, — сказал он Ратису. — Завтра вернём людей.

— Если они доживут, — тихо ответил офицер.

— Поэтому завтра.

Лидия собрала обломки вставки. Даже испорченное дерево было подсказкой: пятка почти не пострадала, разрушился согнутый конец. Для постоянной детали требовался материал, упругий как вяз и звонкий как бронза. Нельзя было просто сделать язык толще: тогда изменится тон и, возможно, откроется не та заслонка.

У ступицы во дворе она срезала свежую щепу. На свету древесина казалась почти чёрной, с волнистыми порами.

— Откуда эта телега? — спросила она у караульного.

— Из затопленных хуторов за Серым Логом. Там такой вяз растёт прямо в воде. Ступицы из него не трескаются.

— Далеко?

— Если мост цел — полдня. Если не цел, не дойдёшь.

Лидия завернула щепу в тряпку. Настоящий бронзовый язык всё равно требовал времени. А чёрный вяз мог дать более надёжную временную деталь — не для войны, а для воды, дороги, возможно, остановки механизма. И если дерево принадлежало людям с затопленных хуторов, брать его приказом было нельзя. Она уже видела, как Варн платит чужими голосами.

К вечеру отряд двинулся обратно. У Келой остался караул. Вода бежала рядом с дорогой, подмывая снег и обнажая чёрные камни. Теперь колёса сигнальной повозки не скрывали второй удар: его больше не было.

На полпути им встретились люди из обоза. Март шёл впереди с лопатой на плече, за ним тянулись мужчины и женщины с ломami, вёдрами и верёвками. Ася шагала рядом, придерживая ладонью край деревянных носилок. На них лежал Тир. Он был бледен, но сидел и показывал дорогу тем, кто не знал русла.

— Кто позволил вам выйти? — спросил Ратис.

Март посмотрел на Варна.

— Вода дошла до первого завала. Если его не убрать, она уйдёт в овраг. Ваши четверо не справятся до мороза.

— Обоз должен оставаться за валом.

— Обоз хочет пить.

Тир поднял руку. Голоса у него всё ещё не было. Он показал три пальца, затем провёл ладонью вперёд: третий завал дальше по руслу. Разведчики Варна успели найти два. Люди обоза — ещё один.

Ася подошла к Лидии и коснулась её мокрых сапог. Потом приложила ладони к дороге. Выждала. Показала один палец.

Только один тон.

Лидия отдала ей речной камень. Ася сжала его, улыбнулась и сразу заметила щепу чёрного дерева в тряпке. Постучала ногтем, приложила к скуле. Спросила жестами.

— Язык для башни, — объяснила Лидия. — Временный. Эта древесина выдержала три удара.

Март перевёл. Ася покачала головой, взяла щепу и постучала снова, теперь по рукояти лопаты. Потом показала на запад, за дорогу, и изобразила руками широкую крону.

— Она знает такое дерево, — сказал Март. — В затопленных хуторах. Там остался склад наших людей.

— Можно взять?

Март посмотрел на неё внимательно.

— Спросить можно.

Варн услышал.

— Дерево нужно крепости.

— Дерево принадлежит беженцам, — сказала Лидия.

— Всё, что удержит Ренву, будет взято на службу.

Люди с лопатами замерли. Они только что вышли спасать воду для той самой крепости, которая не пустила их за ворота.

Лидия встала между Варном и Мартом.

— Тогда получите сырые брёвна, спрятанные делянки и мастеров, которые ничего не помнят. Или попросите и узнаете, где лежит сухой вяз, как его гнули и чем пропитывали.

— За просьбу потребуют цену.

— Да. Так устроено, когда вещь чужая.

Варн перевёл взгляд на бегущую воду. Она появилась не от его приказа и не от голоса певца. Её открыли расколота спица, руки Лидии и его собственное плечо на рычаге. Но русло расчищали люди, которых он утром считал лишними ртами.

— Что им нужно? — спросил он у Марта.

— Место в обозе. За валом не только наши. На хуторах остались семьи, которых не пустили к дороге. Дадите им жетоны башенной службы — получите дерево и тех, кто с ним умеет работать.

— Сколько семей?

— Не знаю. Может, двенадцать. Может, двадцать.

— И все объявят себя мастерами.

— Не все. Но все захотят жить.

Варн помолчал.

— До утра получают место за внешним валом. После проверки — работу и паёк.

— За внутренней стеной, — сказала Лидия.

— Ты уже торговалась за весь обоз.

— И Тир всё ещё без голоса.

Тир поднял носилки за край и стукнул по ним четыре раза. Тот самый ритм, которым Ася проверяла его память. Люди рядом повторили лопатами о землю. Не песня. Не приказ. Просто знак, что они слышат друг друга.

Варн смотрел на них дольше, чем требовалось.

— Если чёрный вяз позволит вернуть Келой дорогу, семьи войдут во внутренний двор вместе с мастерами, — сказал он. — Если годится только для воды, останутся за валом до освобождения мест.

— Дерево сначала осматрю я, — ответила Лидия. — И люди сами решат, на что его дать.

— Ты всё чаще говоришь от имени тех, кого знаешь два дня.

— А вы всё чаще решаете за тех, чьих имён не знаете.

Варн бросил расколотый деревянный язык на повозку.

— Я знал имя Далема.

— Одного из ста восьмидесяти.

— Узнаю остальные, когда верну.

Он пошёл к коню. Спор не закончился. Просто у обоих появилась работа до следующего столкновения.

Лидия присоединилась к людям у канала. Они дошли до третьего завала перед темнотой. Под снегом лежали брёвна, камни и перевёрнутая телега. Варн оставил солдат помогать. Никто не пел. Ломы скрежетали, люди ругались, вода понемногу находила проход.

Когда последний камень сдвинули, поток рванул к Ренве. Со стороны крепости донёсся далёкий шум. Возможно, открывали цистерны. Возможно, жители просто увидели воду.

Ася стояла босыми ладонями на каменном краю русла и чувствовала течение. Лидия коснулась её плеча. Девушка показала на воду, затем на башню и развела руки: разные пути.

Лидия поняла.

Башня умела не только звать на войну. Её заставляли говорить одним голосом потому, что так было проще командовать. Но под знаком копья оставались капля, мост, дорога, раскрытая ладонь и круг. Семь возможностей, семь заслонок, семь решений.

Варн тоже видел знаки.

И теперь знал, что мастер способна выбирать между ними.

Глава 6. Древесина, которая помнит дождь

За чёрным вязом отправились до рассвета. Варн дал шесть солдат, две пустые повозки и срок до полудня. Март взял ещё троих возчиков, знавших затопленные хутора. Ася забралась на передок рядом с Лидией и положила под ноги расколотый язык Келой, словно тот мог подсказать дорогу.

Тир остался за валом. Голос не вернулся. Ярина обещала каждый час проверять его память и не позволять лекарю испытывать на нём новые отвары.

— Если найдёте сухой вяз, берите сколько войдёт, — сказал Варн у ворот. — За семьи ответу после осмотра дерева.

— Нет, — ответила Лидия. — Сначала договоримся, потом погрузим.

— На разговоры у тебя полдня.

— Тогда не задерживайте у ворот тех, кого привезём.

Варн ничего не обещал. Ратис передал Марту связку бронзовых жетонов без отметок.

— Двенадцать, — сказал он. — Для работников.

— Семей может быть двадцать, — напомнил Март.

— Двенадцать работников. Остальные идут как их домочадцы, если начальник счёта признает.

— А если не признает?

— Тогда останутся снаружи.

Март пересчитал жетоны и сунул в карман. На лице у него было выражение человека, взявшего плохой инструмент, потому что другого не дали.

Северная дорога теперь звучала иначе. В канале под тонким льдом шла вода, и каждая плита принимала её дрожь. Ася то и дело касалась деревянного борта, затем показывала вперёд: путь свободен. Лидия училась понимать её жесты без Марта. Два пальца вниз означали яму под снегом. Ладонь ребром — трещину. Круг у груди — можно ехать.

После развилки на Келую каменная дорога закончилась. Повозки свернули на запад, к Серому Логу. Снег здесь был глубже, колёса проваливались до ступиц. Под белой коркой угадывались ограды и крыши. Первые хутора давно стояли пустыми.

— Почему затопленные? — спросила Лидия.

Март указал на невысокую дамбу вдоль лога.

— Семь лет назад Келая открыла воду не в тот рукав. Поля ушли под неё. Весной тут озеро, осенью болото. Люди подняли дома на сваи, но после второй воды бросили.

— Башня ошиблась?

— Башня не ошибается, говорят в крепости.

— Значит, ошибся человек.

— Человек тоже не признался.

Ася дёрнула отца за рукав и постучала по борту: впереди. Из-за снежного бугра поднялся дым.

Поселение пряталось на старом островке посреди высохшего зимнего болота. Дома стояли тесно, соединённые настилами. Нижние брёвна почернели от воды. На крышах лежали перевернутые лодки. Когда повозки приблизились, на настил вышли люди с баграми и луками.

— Свои! — крикнул Март.

— Свои не ходят с солдатами, — ответили ему.

Солдаты потянулись к оружию. Лидия велела им остановиться за старой дамбой.

— Варн приказал охранять нас, — сказал старший, плечистый мужчина по имени Холь.

— Вот и охраняйте отсюда.

— Если вас возьмут заложниками?

— Шестеро не спасут. Только испортят разговор.

Март поддержал её. Холь ругнулся, но остался у повозок. На островок пошли Лидия, Март и Ася. Разбитый настил шатался под ногами. В щелях виднелся лёд с пузырями воздуха.

Их встретила женщина в коротком меховом кафтане. Волосы у неё были седыми только с одной стороны, будто зима коснулась виска ладонью. Она держала багор уверенно, но не направляла остриё.

— Март Зольник, — сказала она. — Вспомнил родню, когда крепости понадобилось дерево.

— Вспоминал раньше, Рада. Ворота не открывали.

— А теперь открыли?

— Не совсем.

Рада увидела Асю и смягчилась, но лишь на миг. Они обнялись. Потом Ася достала расколотую вставку и протянула ей.

Женщина провела пальцем по волокнам.

— Старый наш вяз. Из тележной ступицы Грена.

— Он выдержал три удара в Келасе, — сказала Лидия.

— А четвёртый?

— Не выдержал.

— Значит, башня крепче дерева. Мы это давно знаем.

— Мне нужно дерево, которое выдержит больше. Сухое, без косого волокна. Март сказал, у вас есть склад.

Люди на настиле переглянулись.

— Склад есть, — ответила Рада. — Для мостовых свай и лодок. Не для Варна.

— Не для Варна. Для водяного знака Келой.

— Вода от Келой дважды забрала наши дома.

— Вчера она дала воду обозу за внешним валом.

— Сегодня даст. Завтра утопит.

Лидия не могла возразить. Она знала механизм одну ночь и сама говорила Варну, что не понимает местных материалов. Просить доверия было бы нечестно.

— Тогда покажите, почему старый вяз раскололся, — сказала она. — Если решите, что моя работа снова угрожает хуторам, дерево останется у вас.

Рада прищурилась.

— А семьи?

Март вынул жетоны.

— Двенадцать работников и домочадцы после счёта. Место за внешним валом. Если вставка вернёт дороге службу — мастерам обещан внутренний двор.

— Обещан кем?

— Варном.

На настиле засмеялись. Без веселья.

— Варн семь лет обещает починить затвор, — сказала Рада. — Вода исполнила больше. Она развернулась и велела следовать за ней.

Склад находился в самом высоком доме. Нижний этаж давно залило и выморозило, поэтому брёвна поднимали на второй через широкое окно. Внутри пахло сухой корой, дымом и маслом. Под потолком лежали десятки тёмных заготовок, от тонких жердей до толстых брусьев.

Лидия постучала по ближайшему брусу. Звук был низким и ровным. Дровесина почти не отвечала треском, хотя пролежала здесь много зим.

— Почему она чёрная? — спросила Лидия.

— Растёт корнями в воде, — сказала Рада. — Весной пьёт болотную воду, летом дождевую. Если срубить в сухое лето, растрескается. Берём после долгих дождей, когда ствол напитан одинаково. Потом три года сушим над дымом.

— Древесина помнит дождь, — перевёл Март местную поговорку.

Рада кивнула.

— И помнит, кто рубил. У каждого бруса зарубка семьи.

На торцах действительно были знаки: лодка, три зубца, птица, сломанный круг. Нельзя было просто отсчитать нужную длину. Каждая заготовка имела владельца.

Лидия положила обломок языка на верстак. Волокна разошлись от изгиба, который она задала горячей водой.

— Я согнула слишком быстро. И взяла часть старой спицы, уже уставшую от колеса. Для нового языка нужен прямой кусок, затем медленно выгнуть над паром и дать высохнуть в форме. Но даже он не выдержит военный удар.

— Варну нужен военный? — спросила Рада.

— Варну — да. Мне нужен водяной и дорожный. Они работают на меньшем ходе.

— Он отнимет готовую деталь.

— Поэтому делать будем вместе. И знаки нанесём так, чтобы было видно назначение.

— Знак не остановит солдата.

— Тогда научим нескольких людей снимать язык после каждого запуска.

Март посмотрел на неё.

— Снимать?

— В Келае привод нельзя оставлять соединённым. Деревянная вставка нужна только для выбора функции. После одного-двух ударов её вынимают. Без языка военный зов не включится.

Рада провела ладонью по брусу со знаком лодки.

— Значит, башня будет служить, пока наши руки держат её язык.

— Пока руки тех, кто пользуется водой и дорогой, — поправила Лидия. — Не только ваши. Иначе мы просто поменяем одного хозяина на другого.

Женщина усмехнулась.

— Говоришь как человек без дома.

— Сейчас так и есть.

Ася коснулась бруса. Закрыла глаза, стукнула костяшкой и показала на середину. Потом на другом брусе — ближе к краю. Рада удивилась.

— Что она слышит?

— Не слышит, — сказал Март. — Чувствует пустоты.

Два бруса сняли с подпорок. В первом, который Ася отвергла, возле середины обнаружилась старая морозная трещина, замазанная золой. Во втором под корой жил след червя. Третий оказался чистым.

Рада позвала хозяев зарубки — семью лодочника Берма. Пришли высокий старик, две женщины и четверо детей. Берм выслушал Лидию и спросил:

— Сколько людей войдёт в крепость за наш брус?

— Двенадцать работников получают жетоны. Семьи обещали считать домочадцами. Если дорога заработает, мастерам дадут место во внутреннем дворе.

— Это не число.

— Нет.

— Тогда назови честное.

Лидия пересчитала присутствующих. На островке было около сорока взрослых, детей не меньше двадцати. Две повозки не увезут всех за один раз. Даже если Варн признает двенадцать мастеров, начальник счёта сможет отвергнуть часть семей.

— Двенадцать жетонов, — сказала она. — Это всё, что у меня есть. Я могу увезти с первой партией тех, кто сделает деталь, и их детей. За остальными вернутся повозки. Но не могу обещать, что ворота откроют.

— Варн велел взять сколько войдёт, — вмешался Холь от двери.

Он всё-таки пришёл, оставив солдат у дамбы.

— В повозки войдёт дерево, — продолжил он. — Люди пойдут пешком.

— По дороге, где пропал передовой отряд? — спросил Март.

— Здесь ближе к крепости.

— Здесь болото. К ночи замёрзнет сильнее, а дети провалятся в старые канавы.

Холь пожал плечами.

— У меня приказ.

Рада опёрлась на багор.

— Тогда выполняй его без нашего вяза.

Лидия попросила всех замолчать. Решение было не в том, чтобы выторговать ещё несколько мест. Сам путь менялся. Передовой отряд прошёл быстро, потому что был мал. Две повозки с деревом, десятки людей, дети и старики не скроются в логу и не уйдут от преследования.

— Если заберём семьи, назад тайно не вернёмся, — сказала она. — Нас увидят с башни или с восточного склона.

— Враг и так знает про хутора, — ответил Холь.

— Знать место и увидеть уход — не одно и то же. Пойдут следом. Значит, нужна охрана больше шести солдат и путь не по северной дороге.

Март разложил на верстаке щепки и показал направление.

— Старый плотничий тракт идёт вдоль болота к западным воротам Ренвы. Длиннее на три часа. Мост возле Белого Яра мог сохраниться.

— Западные ворота закрыты, — сказал Холь.

— Если Варн хочет дерево, откроет.

— Ты предложишь полководцу изменить караулы ради нескольких брёвен?

— Ради воды для всей крепости, — сказала Лидия.

Она взяла у Рады кусок угля и на гладкой доске начертила простой знак: капля над раскрытой ладонью. Не военное копьё. Не рот на жетоне мастера.

— Сделаем одну рабочую вставку здесь. Возьмём два запасных бруса с разрешения владельцев. Все, кто отдаёт дерево или работает над ним, едут и идут с нами. Остальные готовятся к следующему обозу, но мы не уходим, пока Варн не подтвердит западный проход и охрану.

Холь покраснел.

— До полудня осталось меньше двух часов.

— Отправьте гонца.

— Я не буду сообщать, что мастер отказывается выполнять приказ.

— Сообщите, что мастер нашла способ сделать язык, но две повозки станут заметны врагу. Если он хочет потерять и дерево, и людей, пусть напишет это на дощечке.

Холь посмотрел на Марту, будто ожидал поддержки против упрямой чужачки. Март уже выбирал лучшую лошадь для гонца.

Солдат уехал к Ренве. На островке началась работа.

Берм согласился отдать брус со знаком лодки за место для всей семьи и своей сестры с двумя сыновьями. Рада добавила брус общины, предназначенный для ремонта дамбы, но потребовала взамен железные скобы и право вернуться за оставленным имуществом. Ещё одну заготовку дала вдова плотника, если её возьмут как мастера, а не домочадца.

— Я точила вёсла двадцать лет, — сказала она. — Не позволю счётчику записать меня при чьём-то котле.

Её звали Тава. Лидия первой отдала ей пустой жетон. Второй получил Берм. Третий — Рада. Остальные разложили на верстаке, не распределяя заранее.

Рабочую вставку делали впятером. Тава размечала волокна, Берм пилил, Рада готовила паровой короб из длинного корыта и крышки. Лидия вымеряла толщину по обломку. Ася проверяла каждую снятую стружку пальцами, и один раз остановила пилу, почувствовав скрытый узел.

Здесь Лидия впервые не была единственным человеком, который знал, что делать. Она понимала форму языка и место нагрузки. Хуторяне понимали дерево. Ася находила внутренние слабости. Март знал дорогу и людей. Работа шла не медленнее оттого, что решение делили между всеми. Наоборот, ошибки замечали раньше.

— Варн спросит, кто сделал, — сказал Март.

— Скажем имена.

— Он любит одно имя. Так проще награждать и наказывать.

— Тогда придётся научиться считать дальше одного.

Заготовку распаривали осторожно. Чёрный вяз не стал мягким, как ивовый прут, но позволил выгнуть конец на толщину двух пальцев. Его зажали в деревянной форме. Высохнуть полностью он не успевал. Тава натёрла поверхность смесью золы и масла.

— От воды не спасёт, — предупредила она. — Но один день дерево не поведёт.

— Нам нужен один день, чтобы сделать меру для бронзы.

— Бронза забудет дождь.

— Зато не забудет удар.

Рада услышала и покачала головой.

— Железо, бронза, камень — всё помнит удар. Просто люди не умеют спрашивать.

Ася улыбнулась и показала на себя.

— Она умеет, — сказал Март.

К полудню гонец не вернулся. Люди начали собираться без разрешения. В лодки складывали одеяла, мешки с зерном, инструменты. Лодки ставили на полозья и запрягали как сани. Дети ловили кур. Старики спорили, что оставить. На островке, который минуту назад казался тихим убежищем, стало тесно от движения.

Лидия увидела цену собственного обещания. Не абстрактные семьи, а горшки, больная коза, ящик с пчелиными сотами, люлька без ребёнка, которую всё равно не хотели бросать. Если ворота не откроются, эти люди останутся на снегу вместе с последними вещами.

— Мы можем вернуться за остальными завтра, — сказала она Раде.

— Завтра враг увидит след. И Варн решит, что двенадцати мастеров ему достаточно.

— Две повозки не увезут всех.

— У нас есть лодки.

— Плотничий тракт длиннее.

— Мы жили в воде. Длинная дорога нас не испугает.

Ближе к часу после полудня Ася вдруг прижала ладонь к стене. Потом выбежала на настил и опустилась на колени. Люди замолчали.

Сначала Лидия ничего не услышала. Затем донёсся далёкий стук копыт.

С востока.

Холь собрал солдат у дамбы. Мужчины с баграми заняли настил. Рада велела детям уйти в дома.

На снежном поле показался один всадник. Гонец. Лошадь была в пене, на плаще темнела кровь.

Его встретили за дамбой. Стрела прошла через плечо, наконечник торчал сзади. Он держался только потому, что привязал себя к седлу ремнём.

— Восточный разъезд, — выговорил он. — Видели меня. Идут сюда. Не меньше тридцати.

— Ответ Варна? — спросила Лидия.

Гонец вынул дощечку. На ней рукой Ратиса было написано: «Западные ворота откроют на один счёт. Охрана выйдет к Белому Яру. Вести всех, кто связан с работой. Дерево сохранить».

Всех, кто связан с работой. Формулировка оставляла счётчику лазейку, но сейчас другого не было.

— Выходим немедленно, — сказала Рада.

Тайный путь закончился раньше, чем они успели его выбрать.

Рабочую вставку уложили в войлок и привязали к передку повозки. Три бруса погрузили вдоль бортов. Между ними посадили раненого гонца и маленьких детей. Остальные вещи ушли в лодки на полозьях. Холь хотел оставить стариков, чтобы ускориться, но хуторяне даже не стали отвечать. Они посадили стариков на вторую повозку и выбросили мешок с посудой.

Колонна растянулась от островка до дамбы. Шестьдесят три человека, девять лодок, две повозки, коза и три собаки. Никакой передовой отряд не спрятал бы их в снегу.

— Теперь это обоз, — сказал Март.

— Слишком большой, — ответила Лидия.

— Обозы всегда слишком большие для тех, кто считает только колёса.

Они свернули на запад. Плотничный тракт угадывался по вбитым в болото столбам. Зимой лёд держал, но под снегом оставались промоины. Ася шла впереди, связанная верёвкой с Мартом. Она касалась шестом льда и чувствовала опасность раньше треска. За ней двигались лёгкие сани, потом люди, затем повозки.

Первые преследователи появились, когда островок скрылся за камышом. Холь оставил двух лучников у дамбы задержать их. Рада отказалась.

— Никого не оставляем.

— Иначе они догонят повозки.

— Тогда задержим вместе.

Лидия посмотрела на длинные брусья. Один конец выступал за задний борт. Рядом в лодке лежали верёвки и багры.

— Дорога по столбам одна? — спросила она.

— Здесь одна, — ответил Март. — Слева топь, справа старый водосброс.

— Значит, не надо сражаться. Надо убрать дорогу.

У ближайшего столба они остановили заднюю повозку. Мужчины перекинули верёвку через верх, навалились. Столб не двигался. Тогда Тава подрубила лёд вокруг основания, а Лидия велела использовать длинный брус как рычаг. Чёрный вяз прогнулся, но выдержал. Столб вышел из мерзлой земли с тяжёлым чавканьем.

Следующий выдернули быстрее. Третий подрубили и оставили стоять на тонкой перемычке. Когда последние сани прошли, Холь толкнул его плечом. Столб рухнул поперёк тропы и разбил ледяную корку. Чёрная вода выступила в длинной полосе.

Преследователи остановились у промоины. Стрела долетела до задней лодки и застряла в борту. Вторая упала в снег. Объехать можно было, но не быстро.

— Дерево спасает дорогу, — сказала Тава, помогая вернуть брус на повозку. — И ломает её.

— Смотря в чьих руках, — ответила Лидия.

До Белого Яра шли ещё три часа. Дети перестали плакать от усталости. Люди менялись у лодок, не спрашивая, чей груз тянут. Солдаты больше не отделялись от хуторян: вместе вытаскивали полозья, вместе проверяли лёд.

У яра тракт поднимался на твёрдую землю. Там их ждала охрана Ренвы — двадцать всадников и четыре пустые телеги. Ратис приехал сам.

— Полдня, — сказал он Лидии вместо приветствия.

— Получилось дольше.

Он окинул взглядом колонну.

— Варн велел привезти дерево.

— Дерево здесь. Его владельцы тоже.

Ратис увидел рабочую вставку, проверил три бруса. Потом пересчитал людей. Лидия заметила, как его губы беззвучно двигаются.

— Шестьдесят три.

— И раненый гонец.

— Он наш.

— Остальные теперь тоже часть обоза.

Рада шагнула вперёд.

— Нет. Мы часть работы. У каждого бруса есть хозяин, у каждой детали — руки. Если у ворот нас разделят, дерево останется здесь.

Ратис посмотрел на запад. Преследователи пока не появились, но ждать было нельзя.

— Ворота откроют на один счёт, — сказал он. — Кто не войдёт вовремя, останется сна-ружи.

— Тогда счёт начнётся, когда подойдут последние сани, — ответила Лидия.

— Счёт начинает караул.

— А вставку ставит мастер.

Он устало потёр лицо.

— Варн говорил, что ты выбираешь функции сигнала. Не говорил, что начнёшь выбирать караулы.

— Это одна и та же работа. Если вода приходит к пустой цистерне, она никого не спасает. Если дорога открывается перед половиной обоза, она ведёт не туда.

Ратис приказал пересадить детей и стариков на телеги. Колонна снова двинулась, теперь быстрее.

К западным воротам подошли в сумерках. На стене уже зажгли чаши. Начальник счёта стоял в проходе с дощечками. Не Эрд — другой, толстый и краснолицый.

— Двенадцать жетонов, — объявил он. — Двенадцать работников. Домочадцы по одному взрослому и двое детей. Остальные за вал.

Рада сняла с повозки верёвку.

— Разворачиваем дерево.

За воротами появился Варн.

— Все входят, — сказал он.

Счётчик побледнел.

— Во внутреннем дворе нет места.

— В ремесленный двор. Лодки и сани — под западный навес. Имена записать. Работу проверить завтра.

Рада не двигалась.

— А после проверки?

— Те, кто не связан с деревом, перейдут за внешний вал.

— Все связаны, — сказала она.

Варн посмотрел на шестьдесят три человека, девять лодок, козу и брусью. Потом на Лидию.

— Ты привезла слишком большой отряд для тайной работы.

— Это не отряд.

— Теперь враг знает западный тракт.

— Он и раньше знал хутора. Просто пока там жили люди, дорога считалась неважной.

— Завтра её придётся защищать.

— Завтра по ней можно вывести тех, кого вы заперли между валами.

Варн ничего не ответил. Он дал знак открыть ворота полностью.

Люди вошли без счёта. Один за другим, не ускоряясь до бегства. Берм провёз брус со знаком лодки. Тава несла рабочую вставку. Ася шла, положив ладонь на дерево, будто проверяла его пульс.

Когда последняя лодка пересекла порог, с западного тракта донёсся далёкий рог преследователей. Створки закрылись.

В ремесленном дворе хуторяне разложили инструменты раньше, чем получили воду. Тава сняла войлок с нового языка. Изгиб сохранился. На пятке Лидия вырезала каплю и раскрытую ладонь. Рада добавила рядом зарубки четырёх семей, работавших над деталью.

— Завтра поставим в Келаю? — спросил Март.

— Сначала измерим ход здесь, на роге. Потом научим людей снимать после сигнала.

Ася постучала по бруску и указала на башни Ренвы. Семь венцов отвечали вечернему ветру разными низкими звуками.

Лидия думала о том, что Варн получил дерево, воду и новый западный путь. Но вместе с деревом в крепость вошли люди, которые знали цену каждой заготовки и не собирались отдавать её молча.

Отряд стал больше. Тайный путь исчез.

Зато у башенного языка появились хозяева, чьи имена нельзя было заменить одним приказом.

Глава 7. Песня без слов

Утром ремесленный двор разбудил не колокол, а кашель.

Кашляли люди, ночевавшие у холодных стен под лодочными парусами. Кашляли лошади в тесном навесе. Кашлял раненый гонец, которому ночью вынули стрелу. Над двором висел дым десятка жаровен, и сквозь него семь башенных венцов казались отрезанными от крепости, будто плавали в сером зимнем небе.

Лидия спала два часа на мешке со стружкой. Когда она поднялась, Тава уже проверяла новый язык из чёрного вяза. Плотница зажала деталь между коленями, провела по изгибу ногтем и недовольно качнула головой.

— Повело?

— На волос. Для воды сойдёт. Для дороги надо знать, в какую сторону он ударит.

— Сегодня узнаем.

У стены лежал обозный рог. После вчерашнего пути медная шина ослабла, шерсть под ней высохла и стала жёсткой. Лидия хотела сначала разобрать раструб, но у ворот появился Ратис с четырьмя солдатами.

— Варн ждёт язык к полудню.

— К полудню он получит результат проверки.

— Ему нужна деталь.

— Деталь без человека, который умеет выбрать знак, — просто кусок дерева.

Ратис посмотрел на хуторян. Шестьдесят три человека уже заняли двор так основательно, словно жили здесь год. Между лодками сушились портянки, у колодца Рада распределяла воду, Берм правил полозья. Никто не собирался исчезать после проверки.

— Знак выберешь ты, — сказал Ратис.

— Я различаю семь рисунков на пластине и не знаю ни одного полностью. В Келае мы нашли воду руками. Второй раз так рисковать нельзя.

— Башенные певцы знают знаки.

— Тогда приведите певца.

Ратис помедлил.

— Тир ещё не говорит.

— Тир был обозным певцом. Мне нужен тот, кто служил при башнях.

У входа под навес кто-то уронил ведро. Оно ударилось о камень, покатилося, звеня всё ниже, и остановилось у ног Ярины.

Она пришла незаметно, в старом буром плаще. На шее был намотан широкий шерстяной платок. Лидия видела её после испытания Тира, но с тех пор Ярина держалась возле больных и почти не говорила.

— Я служила, — сказала она.

Голос у неё был низкий и ровный. Не певческий в обычном смысле: без мягкости, без желания понравиться. Так мог бы звучать хорошо натянутый канат, если бы умел предупреждать о разрыве.

Ратис отвёл глаза.

— Варн запретил тебе подходить к чашам.

— К чашам. Не к дереву.

— Ты помнишь не всё.

— Поэтому не буду врать, будто помню.

Она подняла ведро, поставила у стены и обратилась к Лидии:

— Покажи пластину.

Лидия достала восковой оттиск, сделанный в Келае. Семь углублённых знаков шли полукругом: колесо, капля, раскрытая ладонь, три зубца, ломаная черта, сомкнутые дуги и узкий знак, похожий на надрезанное горло. В башне они были забиты грязью и зеленью, и только после очистки стало ясно, что каждый рисунок состоит из коротких и длинных насечек.

Ярина не взяла оттиск. Она смотрела издали.

— Где ты стояла, когда переводила тягу?

Лидия поставила на камни пустой ящик вместо корпуса, положила сверху доску и обозначила щепками вал, ударник и семь заслонок. Новый вязовый язык Тава уложила там, где в башне находилось бронзовое гнездо.

— Здесь. Варн держал колесо. Я сняла застрявшую вставку, отвела тягу и поставила дерево на каплю.

— На раскрытую ладонь, — поправила Ярина.

— Капля была рядом.

— Капля не вода. Капля — короткий сброс. Ладонь — подача в открытый канал.

Лидия почувствовала запоздалый холод. Если бы она сместила вал на одно гнездо, вода хлынула бы лишь на мгновение. Или ушла в другой рукав.

— Почему знаки не называют то, что делают?

— Потому что рисунок показывает не вещь. Он показывает ход голоса.

Ярина взяла семь тонких щепок. Первую положила прямо, вторую приподняла на палец, третью опустила. Затем составила ломаную лесенку.

— Башня не понимает слово «вода». Певец даёт первый тон, потом расстояние до второго, потом длину удержания. Механизм повторяет этот путь металлом и камнем. Знак напоминает путь тому, кто уже учился.

— Значит, это запись интервалов.

— Если так зовётся расстояние между голосами.

Лидия кивнула. В её мастерской интервал можно было проверить камертоном, струной, длиной воздушного столба. Здесь его рисовали движением: выше, ниже, дольше, оборвать. Не мелодия, а последовательность усилий.

Она попросила Ярину показать знак воды без пеня.

Та подняла правую ладонь на уровень груди, провела ею вверх, задержала, затем резко опустила два пальца.

Ася, наблюдавшая рядом, нахмурилась. Она коснулась локтя Ярины, повторила движение и постучала по доске: один раз сильно, дважды слабее.

— Нет, — сказала Ярина. — Между первым и вторым расстояние больше.

Ася не услышала слов, но увидела отрицание. Она взяла две деревянные миски, поставила одну на ящик, другую на землю и ударила по ним костяшками. Первая ответила сухо и высоко, вторая — глухо.

Ярина впервые улыбнулась.

— Вот. Только второй не ниже, а выше.

Миски поменяли местами. Ася связала их ремешком, чтобы дрожь переходила с одной на другую, и снова ударила. Ладонь на ремне почувствовала оба толчка.

Так начался урок.

Лидия разметила на длинной доске семь мест. Ярина показывала знаки руками, иногда брала короткую верёвку и выкладывала её изгибом. Ася переводила движение в удары по мискам, брускам и натянутым ремням. Тава вырезала возле каждого места простую насечку. Март записывал названия так, как их употребляли в крепости.

Колесо оказалось не дорогой, как думала Лидия, а ровным повтором одного расстояния. Им приводили в движение каменные плиты, ворота и мостовые цепи. Капля означала короткий толчок с немедленным отпуском. Раскрытая ладонь — нарастание и долгий ровный ход.

Три зубца делили усилие на три привода. Сомкнутые дуги собирали ответ нескольких башен в одной точке.

— А ломаная черта? — спросила Лидия.

Ярина долго молчала.

— Тревога. Она режет остальные знаки. После неё башня слушает только военный ход.

— Мы нашли вставку, застрявшую именно там.

— Потому Келая и молчала девять лет. Кто-то включил тревогу и не вернул тягу.

— Кто?

— Не помню.

Ответ прозвучал без оправдания. Ярина провела пальцами по краю платка, но не сняла его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.